

Михаил Тырин

Фантомная боль

«Автор»

Тырин М. Ю.

Фантомная боль / М. Ю. Тырин — «Автор»,

В мире будущего информационные технологии решают все. Ноу-хау России – суперпроцессор "Хризолит" – становится объектом охоты мафиозных структур и иностранных разведок. Для защиты национального достояния мощная спецслужба ЭКОПОЛ создает под своей крышей команду из отчаянных головорезов, у которых на первый взгляд за душой не осталось ничего святого, а на самом деле...

© Тырин М. Ю.

© Автор

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Тырин

Фантомная боль

Часть 1

ОТТОРЖЕНИЕ

Фантомная боль – ложное ощущение, иллюзия присутствия утраченной части тела. ...Борьба с фантомными болями справедливо считается одной из труднейших медицинских задач.
Большая медицинская энциклопедия, т.26

К половине четвертого рынок зашевелился и начал сворачиваться. Антон постоял, глядя, как соседи по ряду упаковывают свой товар, и тоже решил собирать вещи. Все равно не было никакой надежды, что сегодня он заработает еще хотя бы рубль.

За весь день к нему подошли всего пять человек, и все до единого интересовались только примочками к базе данных «Универсальное знание», она последние недели усиленно рекламировалась телевидением. Вывод ясен – люди досыта наелись программами-рецептами для кухонных машин, распознавателями на дверные замки, телевизионными вариаторами и прочими самоделками, которые уже не могут конкурировать с фирменным программным обеспечением. Нужно было срочно придумывать что-то новое. Хотя что сейчас придумаешь оригинального? Все уже придумано, остается лишь повторять за другими.

Самое обидное, что Антон умел делать лучше, чем другие. Только как доказать это покупателям? Стоять и орать: «Мой товар самый лучший»? Все равно никто не заметит разницы – мало кому охота заглядывать внутрь купленной на рынке дешевой программы.

Можно было бы немного заработать на «Универсальном знании», сейчас все будто помешались на ней. Наверно, думают, что, если купить мини-сервер, не надо ходить в школы и читать книги.

Но об этом следовало побеспокоиться раньше. Антон был уверен: как только он напишет десяток продаваемых драйверов, база данных выйдет из моды. Ничего особенного в ней нет: как-то раз он взял у знакомого фирменный сервер и открутил крышку. И что же – там оказался оптический носитель «СХ-Лазер» воронежского производства, разработка второй свежести, которая уже толком никому не нужна. Сразу стало ясно, что вся кампания с «Универсальным знанием» затеяна только для того, чтоб продать лежалый товар.

Антон начал собирать вещи, прикидывая, сколько программ он все-таки успеет написать, пока база данных еще на пике популярности. Во-первых, нужно сделать примочку, чтоб помогала отгадывать кроссворды – двое уже интересовались такой штукой. Во-вторых, хорошо бы придумать что-нибудь для студентов, эдакую «искалку» для составления рефератов и контрольных. Такой товар должен пойти хорошо.

Он свернул и вставил в тубус демонстрационный дисплей. Затем сложил в футляр диски и бросил в сумку. Сверху легла плоская коробка процессора. Осталось только отстегнуть ножки от столика, и можно отправляться домой. Впереди – заурядный вечер, ничем не выдающийся из ряда прочих вечеров – шелест клавиатуры, мерцание экранов за полночь до рези в глазах, свист чайника на плите, а еще, может быть, немного свободного творчества. Хотя в отсутствии денег и оно не очень радует.

Антон успокаивало лишь то, что он не один такой. На рынке редко кто мог хорошо зарабатывать. Люди приходили сюда, чтобы купить дешевый товар, на котором особо не наживешься. А торговать ворованными или взломанными программами Антон не хотел.

Он наконец закончил складывать столик, как вдруг заметил невдалеке двух каких-то странных типов. Вели они себя довольно интересно: шли по ряду, ничем конкретно не интересовались, но внимательно и сосредоточенно изучали каталоги. Казалось, ребята шли на выставку, а случайно попали на рынок.

– Чем-то интересуетесь? – спросил на всякий случай Антон, когда они уже почти прошли мимо.

Оба остановились, переглянулись.

– Интересуемся, – кивнул один из них. – Есть что-нибудь под голографический экран?

Антон удивился. Голографический экран – столь дорогая штука, что его обладатели вряд ли станут толкаться на рынке в поисках программного обеспечения. Для клиентов такого уровня есть софт-салоны, где можно бесплатно попить коктейль или кофе, пока тебе демонстрируют программу.

Эти парни не были похожи на богатых клиентов. Они явно пришли не за тем...

– Нет, – с сожалением развел руками Антон. – Может, еще что-то надо?

– Надо, – чуть помедлив, согласился парень и, приблизившись, сказал тихо, чтобы не услышали соседи: – Нужен «клещ-статик».

Он уставился на Антона, ожидая, какой будет реакция.

Предчувствие Антона не подвело. Эти ребята просили то, что запрещалось не только к продаже, но и к хранению. «Клещ-статик» – волновой накопитель с очень хитроумной приставкой, которая позволяет снимать информацию даже с невключенного компьютера без всяких проводов, переходников и лучевых адаптеров. «Клеща» достаточно просто приблизить к корпусу. Эта штука так часто использовалась для воровства лицензионных программ и закрытой информации, что Экономическая полиция добилась внесения поправки в Основной Каталог, и за «клещей» стали сурово наказывать. Правда, страдали от этого, как всегда, не те, кто нужно. Для людей, которые профессионально занимаются воровством, штрафы и конфискации не страшны. А когда простой честный системщик где-нибудь на выставке снимает с экспоната несложную программку, чтоб получше разобраться с ней дома, его обязательно штрафуют и отбирают всю имеющуюся технику. Даже если все сделано с разрешения хозяина программы.

Антон колебался. Он старался не лезть в рискованные дела. И у него не было «клещ-статика», он вообще не торговал «железом». Но знал, где его достать...

Соблазн был велик. Поддавшись ему, можно было немного заработать и расплатиться наконец за пользование почтовыми ящиками в глобальных коммерческих сетях. Антон украдкой оглядел покупателей. Обычные серые пиджаки, пустые, нагловатые глаза, короткие стрижки... Мужики как мужики.

– Восемьдесят рублей, – тихо сказал он.

– Давай, – неожиданно легко согласились они.

– Только у меня с собой нету. Я сейчас принесу. Подождите здесь.

– А зачем ждать? Пошли вместе.

– Ну, нет, – с усмешкой ответил Антон. – Я сам схожу и принесу.

Не хватало только к продавцу их вести. Нет, уж лучше Антон сам с Леденцом договорится, возьмет у него эту железяку и продаст за восемьдесят рублей. Шестьдесят вернет хозяину, остальные двадцать оставит себе за труды и за риск. Так будет справедливо.

Он попросил соседа присмотреть за вещами и быстро пошел вдоль рядов в направлении крытого павильона – туда, где всегда стояли торговцы «железом». Леденец, к счастью, был на месте. Обычно он уходил раньше – у него дела шли хорошо, и не было необходимости сверх меры утруждать себя стоянием на рынке. На столике перед ним были аккуратно разложены залитые в мутный пластик электронные платы – процессоры, контроллеры, блоки сопряжения, накопители и прочие компьютерные куски. В основном всякое старье, которое он умел очень ловко всучивать доверчивым покупателям под видом новинок.

Леденец выслушал Антона, задумчиво поковырялся в ухе.

– А что за люди? – спросил он.

– Я их не знаю. Мужики как мужики, ничего особенного.

– Да? Ну ладно, обожди здесь минутку. Сейчас приволоку.

Он отошел и через минуту вернулся, неся бумажный сверток. Внутри была небольшая коробка, неряшливо обмотанная изолентой и проволокой, забрызганная каплями припоя. «Клещу» намеренно придавался неприглядный вид, чтоб не привлекать лишнего внимания. Их делали где-то в Азии на подпольных заводах и контрабандно развозили по стране.

– Деньги когда сможешь отдать? – поинтересовался Леденец.

– Сейчас принесу, – поклялся Антон. – Через десять минут.

– Можешь не торопиться. Я тебе верю. Не первый день знакомы. Только смотри, осторожней там...

Антон сунул блок под куртку и помчался обратно. Последние слова Леденца немного подпортили настроение. Даже сердечко екнуло. «Смотри, осторожней там...» А что может случиться? Сейчас он отдаст этим парням товар и получит столь желанный двадцатник. Это ли не причина для радости?

Покупатели терпеливо ждали, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, есть? – спросил один.

– Есть! – выпалил Антон. – Проверять будете?

– Да нет, зачем же...

– Тогда давайте деньги – и разбегаемся, пока не засекли.

– Деньги? Сейчас... – парень полез в пиджак. Второй почему-то тоже.

– А вот тебе и деньги. Вот, смотри. Мы из ЭКОПОЛа. Будьте добры, вашу лицензию, каталог и удостоверение личности.

Антон застыл, глядя на два пластиковых удостоверения, возникших перед глазами. Он ожидал чего угодно, но только не проверки Экономической полиции. И как он сам не догадался! Пиджаки, стрижки – это же все их ментовские штучки!

Полицейские не сумели сразу переключиться на официальный лад, поэтому их слова прозвучали довольно глумливо. Антон ощутил себя в роли дурачка, которому обещали красивый камушек, а дали козий катышек. Впрочем, обида довольно быстро отступила перед лицом более серьезных проблем и неприятностей.

Антону не жалко было «клеща», которого теперь непременно конфискуют. За железку он бы с Леденцом постепенно расплатился, но штраф – это действительно катастрофа. Если заберут технику – жизнь придется начинать с нуля, без техники он никто!

Выход виделся только один – бросать барахло и бежать. Диски, дисплей, процессор стоят не так дорого, ими можно пожертвовать. Потом придется выкручиваться, а сейчас надо бежать, пока не позвали понятых, не составили протоколы...

Полицейские, видимо, почувствовали что-то. Один быстро и крепко взял Антона за рубашку, хлопнул по карманам.

– Руки на затылок, пожалуйста.

Это было уже слишком. Антон не раз общался с инспекторами ЭКОПОЛа, но до такого еще не доходило. Соседи уже во все глаза глядели на происходящее. Если сейчас подчиниться и поднять руки – унижение будет преследовать не один год. Полицейский заметил, что Антон колеблется, и решил ему помочь, ткнув большим пальцем под мышку. Вся нерешительность будто испарилась. Антон дернул плечом и вырвался. Второй полицейский ринулся было на него, но Антон ударил его обеими руками в грудь, и тот, не ожидая такого сопротивления, скорчившись, отлетел назад. Антон, желая подстраховаться, лихо подпрыгнул и ударил другого полицейского ногой в голову. Удар получился тяжелый и неуклюжий, но цели достиг. Поли-

цейский изогнулся и всем телом грохнулся на асфальт. Только после этого Антон подобрал упавшего «клеща» и под взглядами изумленных торговцев и покупателей бросился бежать.

Он уже давно не бегал так быстро. Ветер свистел в ушах, встречные испуганно уступали дорогу, кто-то кричал, свистел... Полицейские и не думали его догонять, но он все равно бежал. Лишь на пустынном хозяйственном дворе он сбавил темп. Быстро «клеща» сунул под кучу пустых пластиковых коробок за ангаром, перелез через забор и пошел на метро.

Все. Пусть теперь его ищут, расспрашивают соседей по ряду, просматривают видеодиски охранной системы – это не имеет значения. Потому, что «клеща» при нем уже нет. Мало ли, какую коробку он держал в руках – поди докажи, что это был «клеш». А то что полицейским по мордасам настучал – так от этого он отвертится. Скажет, например, что удостоверения показались ненастоящими. На рынке и даже в салонах такое не раз случалось.

И все же на душе было гадко. Подойдя к дверям своей квартиры, Антон долго тыкал дрожащими пальцами в мини-сканеры, пока не набрал нужной комбинации. Не включая света, он прошел в комнату и завалился на диван. Довольно долго пролежал неподвижно, почти ни о чем не думая.

«Влип» – это была единственная живая мысль. Он примеривался к ней, заходил с разных сторон, пытаясь убедить себя, что все не так уж страшно – но лишь еще больше испортил себе настроение. Оставалось только ждать, пока те, кого он обидел, напомнят о себе. Скорее всего приедут на бронемашине двое-трое немногословных ребят из оперативного отряда ЭКОПОЛа. Или просто позвонят и предложат прийти самому по-хорошему, или пришлют файл-документ через Федеральную почтовую сеть. И все это может произойти в любой момент.

Антон вскочил и начал возбужденно кружить по комнате. Ждать, пока за тобой придут, оказалось невыносимым. Он бухнулся в кресло перед рабочим столом и включил Систему. Главное и единственное его богатство – восемь процессоров-модулей и почти полсотни разных примочек, собранных, обменянных и купленных за последние семь лет. Развлекаться не было никакого желания, работать – тем более. Антон подключил видеоконтроллер и вошел в сеть. Несколько минут он перебирал адресный список своих знакомых в разных городах. Наконец остановился на бывшем однокурснике Витьке Сапожникове из Курска – безотказном, а главное, в данный момент не слишком любопытном парне.

Тот отозвался сразу – на экране нарисовалась его всклокоченная голова и лицо с покрасневшими от злоупотребления виртуальными очками глазами.

– Витя, привет, – сказал Антон. – Ты не занят?

– А чего?

– Мне срочно нужно место на сервере, ненадолго. Можешь принять гигабайт двадцать-тридцать?

– Сливай, – равнодушно согласился Витька. – А что, поближе некому слить?

– Некому, я уже всем позвонил. А свое все занято.

– Сливай. Потом расскажешь, что ты там придумал.

Антон быстро выбрал все «ломалки», написанные им за полгода, добавил к ним несколько десятков вскрытых лицензионных программ и открыл линию. На экране замелькали цифры, отсчитывая улетающие в Курск мегабайты.

В общем-то, ничего страшного не было в том, что все это у него хранилось. За это уже давно не наказывали. Но в его положении следовало остаться по возможности чистеньким. Если решат делать обыск – а у них ума хватит, – любая мелочь может вырасти в крупные неприятности.

– Кстати! – всполошился Витька. – Мне недавно знаешь кто звонил? Джамбул! Помнишь?

– Джам? Конечно, помню! И как он?

– Нормально. Деловой такой. Но знаешь, он почему-то про тебя спрашивал.

- Что спрашивал?
- Ну, как у тебя дела, где работаешь, сколько получаешь...
- А что ж он сам мне не позвонил?
- Откуда мне знать? Я ему дал твой адрес, на всякий случай.

Джамбула Антон помнил хорошо. Это был один из самых талантливых студентов на их курсе, он приехал откуда-то из Средней Азии. Но его подводила некоторая чужаковатость, свойственная одаренным людям. Почти все шесть лет обучения он носился с каким-то фантастическим проектом, который сам назвал «Третий глаз». Суть сводилась к тому, что с помощью компактных устройств можно передать непосредственно в мозг человека любой искусственный сигнал, если закодировать его в аналоговом режиме. Практически Джам видел это так: миниатюрная телекамера плюс преобразователь – и слепой человек может видеть. Если не телекамера, а, например, микрофон, то глухой сможет слышать. И тому подобное.

Преподаватели за подобное прожектерство любили его покрывать. Антон и сам частенько спорил с ним, объясняя, что высокочастотная передача губительно скажется на клетках мозга, а у низкочастотной – на такое дело не хватит мощности.

Интересно, почему Джам вдруг заинтересовался Антоном? И почему выясняет про него окольными путями? Впрочем, Антон не стал слишком долго задумываться, у него сейчас хватало других проблем.

Он напряг память, прикидывая, не завалилось ли еще чего-нибудь крамольного. Ничего не вспомнив, наставил от нечего делать паролей на сектора, хотя понимал, что любой системщик выше пятого класса ломает их, как спички.

Собственная квартира стала раздражать. Мрачные мысли все больше сгущались и наконец переросли в навязчивую идею.

Антон решил, что ему незачем ждать конвоиров, а лучше прогуляться в Переулок, поболтать со знакомыми. Среди людей все проблемы переживаются легче. Он быстро собрался и с облегчением захлопнул за собой дверь, поставив самый хитроумный пароль, который смог изобрести. Пусть помучаются, если захотят проникнуть в квартиру без него.

С городских улиц схлынули потоки людей, спешащих с работы по домам, и воцарилось размеренное предвечернее спокойствие. Даже продавцы-лоточники кричали не так громко, рекламируя товары. Антон купил себе желе-мороженое в музыкальном стаканчике и перешел на прогулочный шаг. Хладнокровие начало возвращаться, можно было спокойно все обдумать.

Собственно, думать было нечего. В открытый конфликт с полицией Антон никогда не вступал и никакого полезного опыта по этой части не имел. Его общение с инспекторами ограничивалось стандартными проверками на рынке, и ни разу он ничего не нарушил больше чем на три рубля штрафа.

От дома до Переулка было недалеко. Несмотря на раннее время, здесь уже горели огни. Сотни ламп, световодов и стереопанелей создавали причудливую неземную атмосферу. Когда-то было совсем иначе. Все началось с одного-единственного магазина подержанной электроники. Магазин был хороший, ребята в нем работали грамотные и ненаглые, цены соблюдались разумные. Площадь перед магазином стала местом встречи системщиков-любителей и всякого околокомпьютерного люда. Здесь постоянно толкался народ, спорил, обменивался «софтом» и «железом», обзаводился свежими идеями и новыми друзьями.

Постепенно градоначальники поняли, что из этого места можно сделать нечто приличное, если привлечь заинтересованных лиц и вложить деньги. Осторожно и ненавязчиво – чтоб не спугнуть тусовщиков – тут начали появляться уютные салоны, сетевые библиотеки, кафе. Возле них высаживались декоративные деревца, укладывалась тротуарная плитка, ставились заборчики и скамеечки. Так в городе возникло еще одно публичное место со своей уникальной спецификой.

Комиссионный магазин остался на месте. Правда, его перекупили, и народ там был уже чуть другой. Потом и товар стал обновляться, и цены тоже. Постепенно магазин переродился в обычный софт-салон.

Но все равно народ в Переулке продолжал собираться. Антон неторопливо шагал вперед, кивая знакомым. Правда, ни к кому не подходил – пока ему попадались не те люди, с которыми хотелось бы общаться. У этих только одно на уме – как обойти пароль, как пройти на другой уровень, как бесплатно подключиться – и так далее...

На скамейках кучковались пользователи, любители поспорить на разные темы. Например, о том, когда наконец сенсорные экраны и виртуальные манипуляторы заменят обычную клавиатуру. Антон мог бы подойти и авторитетно заявить: никогда, потому что уже много лет люди пытаются придумать что-то лучше, чем это архаичное кнопочное устройство ввода, но всякий раз оно одерживает победу.

Но он предпочитал не вмешиваться в такие споры, так как это был не его уровень. Системщики обычно не вступали в споры с пользователями, а лишь консультировали.

Под деревьями на мягкой травке упражнялись со световыми мечами виртуальщики. Все нормальные люди считали их чокнутыми. Только чокнутые могут тратить бешеные деньги на изготовление одежды героев виртуальных компьютерных миров, а потом еще и носиться в этих сумасбродных нарядах по городу. Сейчас почти на всех была надета новинка сезона – специальный светочувствительный жилет, на котором меч оставлял яркие, медленно гаснущие следы.

На другой стороне Переулка ждали клиентов обладатели «безмозглых гумми». Заплатив пятьдесят копеек, можно было сразиться с неповоротливой резиновой куклой на сервоприводах, за которой, как хвост, тянулся толстый кабель к управляющей системе и питанию. Драться с «гумми» позволялось и руками, и ногами, и палкой – роботы делались добротно. Любой виртуальщик мечтал иметь такую штуку дома, чтоб отрабатывать на ней фехтовальные приемы. Но не всем это было по карману. Сам Антон иногда разминался на резиновых болванах, но он ходил в дорогой спортзал, где стояла профессиональная аппаратура и «гумми» умели двигаться почти так же быстро и непредсказуемо, как люди.

...Чем дальше Антон шел, тем солиднее встречался народ. С ним здоровались уважительно – многие знали, что этот человек может ответить почти на любой вопрос. И, пожалуй, понимали, что только врожденное невезение мешает ему занять подобающее место в приличной фирме. Антон порой и сам утешал себя этой мыслью.

В дверях одного из салонов вдруг мелькнула долговязая фигура Леденца. Как раз он-то и был сейчас нужен. Антон прибавил шагу. Леденец и сам заметил его и пошел навстречу.

– Ну что? – ухмыльнулся он.

– Привет, – быстро проговорил Антон. – Железка твоя цела. Я спрятал ее в мусоре, за сараем с уборочными машинами, знаешь? А я попался...

– Знаю, что попался, – снова ухмыльнулся Леденец. – Весь рынок уже знает. Здорово ты им навешал. Где драться так научился? А за железку не волнуйся. Если найдется – хорошо. Нет – расплатишься позже. Торопить не буду, ты меня знаешь. Не первый год знакомы.

– Расплачусь, – вздохнул Антон. – Слушай, как думаешь, что теперь мне будет?

Леденец помолчал.

– Да ничего страшного не должно быть, – сказал он, вздыхая. – «Клеща» у тебя на руках нет, теперь уже ничего не докажут. А то, что подрался с ними, это хуже. Они документы предъявляли?

– Ага. Но ведь можно сказать, что документы их показались мне фальшивыми.

– Правильно. А про диски скажи, что не твои, что купил у какого-то мужика, чтоб перепродать.

– Зачем? На дисках-то ничего такого нет.

– Это тебе так кажется. А ребята из ЭКОПОЛа найдут, что захотят. Ты про новое дополнение к Основному Каталогу слышал? Теперь, если в программе больше семидесяти процентов патентованных элементов, она считается ворованной.

– У меня мало патентованных элементов, я сам стараюсь все делать.

– Как знаешь, – пожал плечами Леденец. – Мое дело предупредить, твое – подумать. Тебе уже повестку прислали?

– Нет. Я боюсь, они сами за мной приедут.

– Еще чего! Станут они на тебя время тратить... Пришлют повестку, дней пять будешь ходить к ним в Управление, на площади Курчатова, знаешь? На вопросы разные отвечать. Раз уж ты к ним попал – раскрутят по полной программе. И советую этих ребят не очень раздражать, они злопамятные. Возьмут и обрубят тебе сети, будешь, как последний лох, сидеть, радио слушать. Но все равно, особо там не болтай.

– Ладно, – пробормотал Антон. – Буду молчать, как партизан. Пойду я...

– Ну давай, – Леденец хотел было отойти, но вдруг обернулся: – Подожди!

– Что?

– Пойдем, покажу тебе одну штуку.

Он завел Антона во двор, где стояла его машина, и открыл дверцу.

– Залезай... Вот, смотри.

Он бережно развернул блестящий фольгопласт, в который был упакован простой плоский ящик из серой пластмассы. Антон несколько секунд разглядывал его, потом вопросительно уставился на Леденца.

– Что, не понял? – ухмыльнулся тот. – Ты сюда смотри.

Он ткнул пальцем в клеймо на боковой стороне.

Антон посмотрел на клеймо, и... челюсть у него медленно отвалилась.

– Это процессор Мельникова?! – ошарашенно спросил он. – Что, настоящий «Хризолит»?

– А что, не видно? Настоящий. Если нужен – покупай. Не много возьму.

– Сколько?

– Восемьсот.

– Дешево, – удивленно покачал головой Антон.

– Ну! Так что, берешь?

– Подожди...

Антон осторожно взял блок в руки и осмотрел со всех сторон. Пластмасса была прохладной и гладкой, лишь с одной стороны темнели входы для разъемов. Клеймо, изображающее семигранный кристалл, горело тусклым голографическим светом.

Это клеймо отображало принцип работы «Хризолита». Антон знал, что внутри находятся семь компактных, но очень мощных сопроцессоров, собранных, а точнее, выращенных по особой технологии. Однако секрет был не в них, а в блоке согласования, который мог очень рационально комбинировать и приумножать их возможности. Это была техника совершенно нового уровня. Если б Антон имел такое дома, он мог бы выкинуть весь свой металлолом, с которым приходилось работать, и оставить только «Хризолит». Имея этот блок, не нужно корпеть над проходными задачками, сочинять вспомогательные программки, «ломалки» и «искалки». Достаточно просто дать процессору задание, даже расплывчатый намек. Антон помнил, как на первой пресс-конференции конструктор Мельников предложил задавать вопросы не ему, а процессору. И тот отвечал! Отвечал почти как человек, а не как запрограммированный железный ящик.

Он понимал живой человеческий язык. «Эй, дружок, поищи-ка в сети «Евро-Глобал» что-нибудь прикольное про файлы-шпионы».

И «Хризолит», без сомнения, поищет. Сделает все, о чем требует оператор. Он не просто выведет список заголовков про файлы-шпионы, а подберет именно «что-нибудь прикольное». Ну разве что задаст перед этим пару невинных уточняющих вопросов.

Вот за такое чудо Леденец просил всего восемьсот рублей.

Это и настораживало.

Процессоры Мельникова вышли в продажу меньше чем полгода назад. Стоили они сначала, как нормальная квартира в пеноблочном доме. Потом, правда, сильно подешевели, но не настолько. Все эти полгода «Мосэлектронику» закидывали предложениями иностранные фирмы, набиваясь на сотрудничество, совместное производство и продажу, сулили безумные суммы за лицензию на право воспроизводства.

Но менеджеры «Мосэлектроники» и сам Мельников были непреклонны. Производством «Хризолитов» занимается только государственное предприятие «Мосэлектроника», продажей – только его представительства.

– Ну что? – нетерпеливо напомнил Леденец. – Будешь брать?

– Не знаю, – пробормотал Антон. – Вообще, денег сейчас нет.

– Ха! Денег нет. На твоём месте я бы в момент сумму собрал за такую-то штуку. У тебя этот процессор за неделю окупится.

Это Антон и сам понимал. Леденец был прав: ради такого приобретения не грех в долги залезть. Но Антона терзали сомнения. Слишком дешево. Даже если блок ворованный, ни один дурак не станет просить за него такую смехотворную сумму. А уж Леденец не дурак, он вещам цену знает.

– Э, а почему клеймо наклеено?! – всполошился Антон. – Оно должно быть в корпус вплавлено, я читал!

– А может, тебе еще сертификат на пожизненную гарантию? – вскинулся Леденец. – За такую-то цену!

Однако было видно, что он смутился. Явно здесь дело было нечисто.

– Ну, если не веришь, давай зайдем куда-нибудь, подключим и проверим, – добавил Леденец.

– Да нет, верю, – пробормотал Антон. – Но только... Не до этого мне сейчас, понял? Ладно, спасибо, что показал. Пойду я...

Антон возвращался домой в полном смятении. То, что он увидел, не укладывалось ни в какие рамки. Процессор Мельникова не мог стоять так дешево, ни при каком условии. Может, это обман? Но Леденец не станет мошенничать со своим приятелем и коллегой, он знает, что Антон не лох, и относится к нему с достаточным уважением. Может, тогда самого Леденца обманули? Тоже маловероятно...

Подделывать «Хризолиты» еще, кажется, никто не научился. Да и вряд ли научатся. Антон кое-что знал об этом. Он собирал любую информацию о конструкторе Мельникове и его детище, как и многие тысячи других людей, имеющих отношение к информационным технологиям.

Он знал, что при производстве «Хризолитов» треть средств уходит на обеспечение безопасности и охрану технологии. Людям, подписавшим контракт с «Мосэлектроникой», платят целые состояния, но эти денежки достаются им ох как непросто.

Во-первых, до окончания контракта они не имеют права покидать изолированный сектор предприятия, где изготавливаются блоки. Они живут как добровольные заключенные, и никакие обстоятельства не могут этого изменить. Им запрещаются свидания и даже телефонные разговоры с родственниками. В закрытом секторе вообще нет телефонов. Туда не проведен ни один кабель – даже электроэнергия берется от независимых источников питания. Компьютеры, установленные в лабораториях, не имеют дисководов и лишних разъемов, а встроенные

серверы установлены на неизвлекаемость. Ликвидированы даже сетевые шнуры – вся аппаратура работает от батарей.

По слухам, каждый второй сотрудник там завербован службой безопасности, а в самой службе безопасности полно нелегальных агентов ЭКОПОЛа. Что и говорить, государство умеет хранить свои тайны.

Ходили и другие слухи. Поговаривали, что сам Мельников то ли умер, то ли стал инвалидом и больше ничего не может. Но Антон был уверен – эту информацию разбрасывают конкуренты, чтобы пошатнуть позиции «Мосэлектроники» на рынке. Очень многим процессор встал поперек горла. Писали, что после его выхода в продажу в Европе закрылось сто пятьдесят лабораторий схожего профиля.

* * *

Антон все же не выдержал и прямо из Переулка поехал в Манеж – единственное в городе место, где частным лицам продавались процессоры Мельникова. Никаких революционных изменений он не заметил – «Хризолит» по-прежнему стоил три с половиной тысячи.

Когда Антон добрался до дома, начинало темнеть. Он был так поглощен своими размышлениями, что не заметил двоих незнакомых мужиков, скупающих у подъезда. И лишь поднявшись по ступеням, услышал, как его окликнули.

– Молодой человек!

– Что? – Антон растерянно обернулся.

– Если не ошибаемся, вы – Антон Кораблев?

– Да.

Они сразу встали и полезли за удостоверениями.

– Мы из ЭКОПОЛа. Вам нужно поехать с нами. Квартира уже опечатана.

Антон с недоумением оглядел полицейских. Он ожидал, что за ним вышлют бойцов оперативного отряда, а эти явно были офицерами – оба далеко уже не юнцы, да еще и в штатском.

Один стоял напротив, второй зашел чуть сбоку. Похоже, они готовились, что Антон опять начнет показывать норы.

– Что, прямо сейчас? – удрученно спросил он. – А утром нельзя?

– Утром нельзя, – ответил один из полицейских. Он говорил без всякого нахальства и высокомерия, совсем не так, как ведут себя инспектора на рынке. Потом даже добавил: – У нас есть санкция. Показать?

– Не надо, – буркнул Антон. – Пойдемте...

Его вдруг охватила тоска по своей маленькой квартирке. Ему показалось сейчас верхом счастья поставить кофе, завалиться на диван и включить телевизор. И от того, что это стало уже невозможно, было горько до слез. Поставив на двери казенную печать, эти люди как будто надругались над его жилищем...

«Стоп! – встрепенулся Антон. – А собственно, почему печать? Почему санкция? И почему прислали офицеров? Меня арестовать решили, что ли, за эту ерунду? Неужели нашли что-то серьезное на дисках?..»

Но ничего спрашивать он не стал. Эти ребята – просто «грузчики», наверняка и сами не знают, что он натворил. Их дело – доставить.

Его усадили на заднее сиденье трехскоростной «Лады-Колибри» и даже не заблокировали дверь. Антон заметил, что, кроме стандартного оборудования, в кабине установлены несколько плоских коробок и панелей оперативного назначения.

– Можно позвонить? – спросил он.

Он еще не знал, кому хочет звонить. Просто была потребность сообщить кому-то о себе, оставить весточку, прежде чем уйти в неизвестность.

– Нет, – спокойно ответил один из полицейских. – Ничего нельзя делать до особого распоряжения.

Машина неторопливо поплыла по погружающимся в сумрак улицам. Антону было невыносимо тоскливо от того, что он не может сию же минуту выйти и просто пройтись по городу, присоединиться к беззаботно гуляющему люду. Если уж опечатали квартиру, то наверняка сегодня гулять не придется.

Они пересекли ярко освещенный проспект Победы. Здесь машина должна была свернуть, чтобы проехать к площади Курчатова, где располагалась штаб-квартира ЭКОПОЛа. Однако почему-то они проследовали дальше. Антон начал беспокоиться крутить головой, пытаясь угадать, куда его везут. Понять что-то было сложно – машина уже ехала по окраинам, а здесь Антон бывал нечасто.

Возле неприметного серого здания машина замедлила ход и свернула в железные ворота. Антон успел заметить табличку на столбе:

«СТОЯНКА ТОЛЬКО ДЛЯ АВТОТРАНСПОРТА УЗТ».

«Вот это влип!» – изумился Антон.

Он слышал, что такое УЗТ. ЭКОПОЛ имел много различных периферийных контор, и самым серьезным из них слыло Управление защиты технологий. Здесь работали по-крупному. Борьба с промышленным шпионажем не шла ни в какое сравнение с теми мелкопаковыми рейдами и облавами, которые полиция проводила на рынках и в салонах.

Но какое отношение к промышленному шпионажу может иметь домашний программист-системщик, на совести которого от силы сотня взломанных лицензионных «игрушек» и прочая дребедень?

Машина остановилась в унылом внутреннем дворе. Несмотря на позднее время, в здании еще горел свет. Антон вышел на улицу и поежился – становилось прохладно. Его провели через полутемные служебные помещения, вверх по лестнице и корректно подтолкнули к двери со стандартным световым кодом.

Антон вошел внутрь. Провожатые остались в коридоре.

Он оказался в небольшом, уютно освещенном кабинете, довольно скромно обставленном. Из техники внимание привлекал только монокорпусный «Эверест» с трехслойным псевдообъемным дисплеем.

За одним из столов покоился грузный человек в скучном черном костюме. Он угрюмо смотрел на экран телевизора, подперев рукой массивное, похожее на булыжник лицо.

Увидев Антона, он зашевелился и зевнул.

– Привели, – проворчал он. – Садись.

Антон присел на край стула, с любопытством оглядываясь. Кабинет не походил на место для допросов, это было просто рабочее помещение. Грузный человек полез в ящик стола, долго гремел там чем-то, затем достал и разложил перед собой компьютер-«книжку» с торговой маркой минского НПО «Сигнал». Он несколько раз попытался включить его, затем с досадой крякнул и высыпал на стол севшие батарейки. Наконец, махнув рукой, положил перед собой обычный лист бумаги и авторучку.

– Моя фамилия – Брусов, – сказал он. – Майор Брусов, запомнил? А то будешь потом жаловаться...

– Не буду, – сказал Антон.

Брусов взял со стола серый конверт и открыл его, показывая Антону содержимое.

– Твои документы?

– Мои.

Оказывается, они и документы успели изъять. Значит, все-таки проникли в квартиру....

– Рассказывай, – приказал майор, свинчивая колпачок с ручки. – Имя, фамилия, отчество, образование, место жительства, работа – ну, все по порядку.

Антон терпеливо отвечал на вопросы майора, с мрачным нетерпением ожидая, когда придет очередь до событий на рынке. Однако пока полицейского не интересовала эта тема. Однако скрупулезно выяснял и записывал только детали биографии, особенно нажимая на образование, квалификацию и опыт. Минут через пятнадцать он наконец отложил ручку, быстро проглядел записи и сказал:

– Ну... Кажется, пока все.

Ни одного вопроса про инцидент на рынке так и не было задано. Антон решил, что это не к добру.

В дверь заглянул высокий человек с рыжеватыми, видимо, крашеными волосами. Он хотел что-то сказать майору, но заметил Антона и шагнул в комнату.

– Привезли, – сказал он, с любопытством оглядывая Антона сквозь очки в золотистой оправе. – Это и есть тот скандалист, который устроил бойню на рынке?

Антон решил не отвечать.

– Он, – сказал Брусов и снова зевнул. – Ростовцев не звонил?

– Только что звонил, сказал, через десять минут будет.

Вошедший взял со стола записи, сделанные Брусовым, и быстро просмотрел их.

– О-о! – удивился он. – Программист-системщик второго класса – и торгует на рынке? Первый раз такое вижу. Что ж ты, дружок, работу себе не смог найти с такой-то квалификацией?

Антон вяло пожал плечами, глядя в сторону.

– Так, – продолжал рыжий, – сейчас посмотрим...

Он достал из кармана оптическую кассету и вставил ее в плеер. Антон искоса взглянул на телеэкран и сразу узнал очертания рыночных рядов, снятых, видимо, с одной из радиовышек.

Когда камера наехала поближе, он узнал и себя.

Рыжий еще больше приблизил изображение, и все, происходившее несколько часов назад, вернулось в красках и звуках.

Запись была включена с того момента, когда переодетые инспектора договаривались с Антоном про «клеща». Потом он повернулся и чуть ли не вприпрыжку побежал к Леденцу. Правда, Леденец в поле зрения камеры не попал. Видимо, знал, где нужно становиться.

– Куда побежал-то? – лениво поинтересовался рыжий.

«Начинается...» – подумал Антон с холодком в сердце.

– Есть одно место, – буркнул он. – Не могу же я все при себе держать.

Выдавать Леденца он не собирался. В крайнем случае можно сказать, что есть свой тайник.

Дальше началось самое интересное. Антон глядел, как он мутузит полицейских, и ловил себя на мысли, что со стороны это было довольно эффектное зрелище. Оказалось, он вполне красиво дерется, хотя в те минуты он думал, что барахтается, как муха на клею.

– Где так научился ногами махать? – спросил рыжий, выключая запись.

– В армии.

– И в каких же войсках такому учат? Что-то не похоже, чтобы ты в спецназе служил.

– Нет, не в спецназе. В войсках электронной защиты.

– Ха! – развеселился рыжий. – Да там только кнопки учат нажимать.

– Кнопки нажимать я и так умею. Просто подобрал ротному бесплатный пароль к сети «Империя игр», он и водил меня в офицерский спортзал тренироваться, пока остальные ямы рыли и плац подметали.

– Молодец ты, парень. Умеешь хорошо устроиться.

– Дело нехитрое, – сказал Антон и отвернулся.

Раздалась нежная трель телефона. Брусов взял трубку и, буркнув «угу», бросил ее на рычаг.

– С поста звонят, – сообщил он, – Ростовцев уже подъехал.

– Хорошо, – кивнул рыжий. – Я пойду. Когда закончите, позови меня.

– Между прочим, знаешь, кто это был? – спросил майор, неодобрительно посмотрев на Антона. – Полковник Шевцов, первый заместитель начальника Управления!

Однако следов благоговения на лице Антона не проступило, поэтому тема не получила продолжения.

Через несколько минут в комнату быстро вошел пожилой человек профессорского вида со старомодной кожаной папкой. Брусов поспешно вскочил, подставляя ему стул.

– Здравствуйте, Олег Модестович, – начал он. – Извините, что так поздно пригласили, но дело неотложное, и...

– А-а, бросьте. – Вошедший устало махнул рукой и опустился на стул, отдуваясь. – Забегался сегодня. Сейчас, дайте отдышусь...

Брусов решил, что с ритуалом встречи покончено, и обернулся к Антону.

– Это Олег Модестович Ростовцев, – сказал он. – Член главной городской аттестационной комиссии. Он пришел специально, чтобы провести с тобой краткий квалификационный экзамен...

Антон подумал, что перед ним разыгрывают спектакль. Такое не могло присниться в самом дурацком сне: вывезли ночью в УЗТ, притащили члена аттестационной комиссии, которых в городе всего семь человек, – и только для того, чтобы устроить переэкзаменовку какому-то мелкому торговцу, задержанному за административное правонарушение.

Нет, все это явно неспроста. Антон сейчас дорого дал бы, чтобы избежать переаттестации – наверняка они готовят какую-то подлость. Да только как ее избежать? Член главной комиссии имеет право принимать экзамен у любого и в любое время. А откажешься – мигом лишишься своего второго разряда.

– Мне еще полгода до переаттестации, – пробурчал он.

– Ничего, – сказал Ростовцев. – Мы проведем ее досрочно. Зато она будет достаточно легкой. Ну что, готовы, молодой человек?

– Для чего это нужно? – тихо спросил Антон.

– Разве вам не известно, для чего проводятся переэкзаменовки? Каждые три года дипломированные программисты-системщики должны подтверждать свое мастерство, точно так же, как, скажем, летчики или полицейские. Если вы отказываетесь – дело ваше. Но вы знаете, что за этим последует.

Антон знал. Но сейчас он пытался понять, чего добиваются от него эти люди. Никогда он не привлекал особого внимания ЭКОПОЛа, не состоял ни в какой мафии, и тем не менее из-за него ночью сюда вытащили такую важную персону. Только ради того, чтобы принять экзамен! Глупее ситуации не придумаешь.

– Хватит думать, – довольно нахально заметил Брусов. – Или сдавай, или отказывайся.

– Действительно, думайте скорее, молодой человек, – присоединился Ростовцев. – Я сегодня и так четырнадцать часов на ногах.

Антон протяжно вздохнул.

– Что нужно делать?

– Ну наконец-то. – Ростовцев легко поднялся и извлек из папки листок с заданием. – Вот, возьмите. Опишите эти уравнения на любом языке не ниже четвертой категории.

Антон взял бумагу и быстро просмотрел задание. Уравнения были совсем несложными, их можно было элементарно обработать и на любительских макроязыках. Это было бы даже проще – там полно готовых элементов, из которых, как из кубиков, складываются программы. Но условие было жестким – не ниже четвертой категории. Это тоже казалось странным.

– Садись сюда, – сказал Брусов, указывая на «Эверест». – Если не нравится, выбирай другую машину.

– Не надо, – отказался Антон. – Достаточно этой.

Он включил компьютер и попытался вчитаться в текст задания. Разные нехорошие мысли мешали сосредоточиться. Из всех имевшихся языков он выбрал «Аргумент» – у него была самая большая библиотека макрокоманд.

Всякий раз, садясь за составление программ, Антон стремился придумывать что-то новое – просто так, для собственного удовольствия и самоутверждения. Однако сейчас фантазия отказалась работать, испуганно забившись куда-то в темный угол сознания. Антон довольно быстро набросал план программы, используя свои старые «фирменные» ходы и приемы, затем взялся за второе уравнение.

Оба задания что-то мучительно напоминали, особенно второе – творческое. Антон попытался посмотреть на них как бы со стороны. «Составить алгоритм перестановки, когда случайным образом переставляются соседние элементы массива, затем через один, потом через три – и так далее. Любую ли перестановку сможет реализовать этот алгоритм?»

Антон сообразил – задача решалась почти так же, как простейшая программа для подбора паролей. Как только он понял это, дела пошли гораздо быстрее – такая работа была хорошо знакома. Антон даже хотел войти через сеть в свою домашнюю Систему и вытащить несколько самодельных инструментов, чтобы справиться с заданием поскорее. Но вовремя опомнился.

Ростовцев и Брусов тихо переговаривались на какие-то общие темы – кажется, они обсуждали новый сорт фаршированных макарон, недавно появившийся в продаже. Антону они не мешали и не торопили его. Однако спустя некоторое время экзаменатор посмотрел на часы и поинтересовался:

– Как успехи, молодой человек?

– Почти закончил, – ответил Антон. – Осталось только отладить и сделать оформление.

– Не надо налаживать. – Он встал и подошел к столу. – Пожалуйста, уступите стул, я посмотрю.

Антон не любил показывать черновики, но спорить не стал. Ростовцев лишь взглянул на текст и удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, – сказал он, вынимая листок свидетельства и подписывая его. – Экзамен принят. Теперь, с вашего разрешения, я вас покину, поймите меня правильно, целый день на ногах.

Последние слова адресовались, конечно, Брусову. Тот встал и проводил гостя до двери.

– Спасибо, Олег Модестович. Внизу зайдите к дежурному, вас отвезут домой на нашей машине.

Антон неподвижно сидел, пытаясь понять, как можно принять такой важный экзамен, даже не запустив программу. Он знал, что Ростовцев – человек опытный и многое видит с первого взгляда, но превращать переэкзаменовку в какую-то фикцию... Раз на то пошло, мог бы и по телефону принять. «Молодой человек, как называется школьный учебник информатики?» – «Основы информатики». – «Спасибо, экзамен принят».

Антон помнил, как последний раз какой-то старый гриб из окружной комиссии два часа пытался найти прорехи в экзаменационном задании. Очень уж ему не понравилось, что такой молодой человек имеет второй класс мастерства.

– Ну все, – вздохнул майор. – Теперь мы будем смотреть, чего ты тут насочинял.

Он сел за дисплей и принялся катать по столу шариковый манипулятор, производя с работой Антона какие-то неясные действия. Пока он занимался этим, в комнату вернулся Шевцов.

– Ага, закончили. Ну и как?

– Вот, смотрите, – ответил Брусов, слезая со стула.

Шевцов прищурился, наклонившись к экрану, затем позвал Антона.

– Подойди, я хочу, чтобы ты видел сам.

Антон взглянул на экран. Там горели окна какой-то тестирующей оболочки. Не было никакого желания вчитываться в столбцы цифр и определений.

– И что? – спросил он.

– Не понимаешь? Это результаты стилистического сравнения того, что ты здесь сегодня написал, и двух программ, изъятых нами из глобальных сетей. С удовольствием тебе напомним, – Шевцов говорил иронично и довольно высокомерно, с видом победителя. – Два года назад службой электронной безопасности Министерства обороны в закрытой сети «Балтика-7» была обнаружена активная автономная программная единица, которая ломала пароли и портила защиту. Припоминаешь?

Антон прошиб холодный пот. Он действительно припоминал.

– Анализ показал, что программные модули, обнаруженные в той программе, использованы и в твоём сегодняшнем задании. То есть формально это означает, что незаконная программа-взломщик принадлежит, образно говоря, твоему перу. Не находишь, что это здорово смахивает на военный шпионаж?

– Никакой это не шпионаж! – не выдержал Антон. – Просто у моей одноклассницы пропал в армии брат – писем от него не было, а на запросы никто не отвечал. Она попросила меня помочь, и я запустил в сеть эту «искалку». Оказалось, он лежит в фельдшерском пункте дисциплинарного изолятора с менингитом, а его лечат от воспаления легких. Если б я его не нашел...

Шевцов остановил его жестом.

– Не сомневаюсь в твоих благородных побуждениях, но проникновение в закрытую сеть – уголовное преступление. И мы обязаны принять меры, разве не так?

Антон помотал головой, будто избавляясь от наваждения. Он не знал еще ни одного случая, чтоб кого-то наказали за такую мелочь. Ну почему эта напасть свалилась именно на него, а не на любого из сотен хакеров, которые ломают сети и делают на этом деньги?!

– Но это еще не все, – печально улыбнулся Шевцов. – Шесть месяцев назад в глобальной сети «Интеграция» обнаружена программа для взлома графического мультиредактора «Супер-модель». Редактор является интеллектуальной собственностью ростовской фирмы «Магнетик» и защищен четырьмя патентами. Программа-взломщик, как ты догадался, тоже твоего ума дело, это неопровержимо подтверждает анализ.

– Ну и что такого, – сказал Антон, вспоминая, что действительно как-то раз изготовил такую штуку по просьбе своего приятеля из Махачкалы и отправил ему электронной почтой.

– Мало ли что я ломаю в своей Системе, – продолжал он. – Это не преступление. Если надо, заплачу штраф.

– Нет, – тихо усмехнулся Шевцов, переглянувшись с майором. – Штрафом ты не отделаешься. Программа обнаружена не в твоём личном сервере, а в глобальной сети. А распространение инструментов для взлома – уже уголовная статья, и ты знаешь об этом.

Антон почувствовал удушье. Он понял, что его самым подлым образом подставляют. Но зачем?! Из всех хакеров он самый безобидный. За что прогневалось на него – слабого, незаметного и небогатого человека – такое могучее ведомство, как ЭКОПОЛ?

– Да за эти статьи уже сто лет никого не наказывают, – пробормотал он, пытаясь слабо сопротивляться.

– Что значит «не наказывают»? – возразил Шевцов, обменявшись ироничной улыбкой с Брусовым. – Никто не отменял этого закона, хотя допускаю, что он несколько морально устарел. То, что мы порой сквозь пальцы смотрим на некоторые подобные нарушения, – так это лишь из-за нехватки времени. У нас полно и более серьезных дел. Однако данное преступление мы выявили и обязаны принять меры. Оставим бессмысленные споры. Закон известен, доказательства налицо. В любой момент тебе можно предъявить обвинение и возбудить уго-

ловное дело. Тогда, конечно, прощай квалификация, прощай надежда на приличную работу и так далее...

Антон вдруг понял, что Шевцов издевается. Он говорил эти прописные истины простым, ясным языком, разъяснял и разжевывал их сверх необходимости, а в глазах его стояла усмешка. Он что-то недоговаривал. И предоставлял возможность Антону самому догадаться, что именно.

– По моим прикидкам, тебе грозит не меньше трех лет заключения. Поверь, в наших силах сделать так, чтобы суд отнесся к твоим проделкам с полной серьезностью. Ведь если покопаться, можно найти еще что-то, помимо этих двух несчастных «ломалок»? То, что ты сегодня учинил на рынке, – это, конечно, мелочь, но и ее можно представить, как, ну, скажем, воспрепятствование деятельности должностного лица. Это еще одна уголовная статья...

«Посадить можно кого угодно, – устало подумал Антон. – И за что угодно. Но почему именно меня?»

– Так, сегодня уже поздно, – продолжал Шевцов. – Ночь ты проведешь в изоляторе – вот постановление на задержание. Майор Брусов тебя проводит. А завтра придет следователь и расставит все точки...

– Что вам от меня нужно? – решился спросить Антон.

В глазах Шевцова блеснул интерес.

– Ночь ты проведешь в изоляторе, – повторил он. – А завтра... Завтра поговорим.

* * *

Камера была самая обыкновенная. Без чрезмерных удобств, конечно, но и без грязи, вони и насекомых. Просто комната с голыми стенами.

Антон неподвижно лежал на кушетке и смотрел в окно. Там была видна стена противоположного здания и кусочек неба.

Ночью он не спал. Заснул уже на рассвете, а проснулся только днем. За все это время его ни разу не побеспокоили. Только сунули в кормушку блок пенопластовых коробок с едой.

Казалось, либо его просто забыли, либо выдерживают, как коньяк, чтобы довести до нужного состояния. Состояние у него и впрямь было паршивое, что и говорить...

Антон уже не сомневался, что ЭКОПОЛ ведет с ним какую-то игру. Можно предположить, что они хотят заставить его работать на себя. Но зачем? Связями в преступной среде Антон не обладал, внедряться и выведывать информацию не умел. И ничего толком не знал про теневой рынок и все прочее, что интересовало полицию. Ну а стучать на Леденца мог и любой другой, без этих сложных процедур. На рынке очень многие держали «левый» товар, и почти все друг про друга знали. Но даже если так, при чем здесь УЗТ?

Может, им нужны его профессиональные способности? Тоже маловероятно. Антон отдавал себе отчет, что он далеко не гений, что таких полным-полно, и ничего не стоит найти приличного системщика, да еще и с хорошими рекомендациями.

Сначала им владело любопытство. Потом стало преобладать уныние и страх. «Выдержка» в камере давала свои плоды...

Принесли обед. Вновь потянулись часы одиночества и ожидания неизвестно чего. Антон пытался переключиться на какие-нибудь полезные или хотя бы нейтральные раздумья, но мозг сопротивлялся и упрямо возвращался все к тому же.

Когда на улице уже стало темнеть, в коридоре раздались шаги, и замок звонко щелкнул, открываясь. Угрюмый охранник с глыбообразной фигурой и непроницаемым лицом повел его по коридору, сцепив руки магнитной защелкой. Антону было дико осознавать, что на него – на него! – надели наручники.

Место, в которое его привели, было уже настоящей комнатой для допросов. Голые стены, окошко, два стула и два стола, привинченные к полу.

– Жди следователя, – соизволил объяснить охранник и закрыл за собой дверь.

Ждать пришлось долго. Явно временем здесь не дорожили. А может, специально делали так, чтоб у Антона была возможность хорошенько испугать самого себя всякими догадками. Он успел подготовиться к тому, что сейчас придет скучный человек с чужим, казенным лицом, разложит бумаги или электронный блокнот, и машина правосудия начнет свою долгую обстоятельную работу.

Антон ходил взад-вперед по комнате, пользуясь тем, что никто за ним не следит и не запрещает делать что вздумается. Потом дверь открылась, и вошел Брусов.

– Скоро придет следователь, – сказал он, усевшись на стул и заложив ногу за ногу. – А пока мы можем немного поговорить. Ты не возражаешь?

Вопрос был идиотский. Антон лишь вяло пожал плечами.

– Я хочу сказать, – продолжал Брусов, – что закон, конечно, для всех один, но иногда для разных людей можно допустить разные толкования. Соображаешь? Мы можем найти с тобой общий язык и пойти на некоторые уступки. Но и ты должен пойти нам навстречу.

– Если вы хотите, чтоб я стал стукачом, – быстро сказал Антон, – зря теряете время. Я – сам по себе. Мне не на кого доносить, и я мало что знаю.

– Ты слишком шустро соображаешь, – усмехнулся Брусов, и его лицо-булыжник на мгновение изменило форму. – Я тебе пока ничего не предлагал. Подумай-ка сам, что лучше – три года тюрьмы или один год контракта с ЭКОПОЛом?

– Контракт? – изумленно переспросил Антон.

– Вернее сказать, устный договор. Устный договор с жесткими условиями. И с вознаграждением по истечении срока.

– А что?..

– Не спрашивай, что нужно будет делать. Я тебе все равно пока этого не скажу. Могу тебя заверить, что ты будешь проводить время с определенной пользой для себя, сносно питаться, иногда совершать прогулки и развлекаться по своему усмотрению. В любом случае, это интереснее, чем тюрьма.

– Иногда совершать прогулки?

– Больше я не скажу ни слова. И поторопись с ответом. Скоро придет следователь, и тогда ничего нельзя будет изменить.

Ошалевший Антон попытался хоть что-нибудь выпросить, но майор демонстративно отвернулся к окну и замолчал.

Хотя Антон и был готов к подобному повороту, все равно он оказался сбит с толку. Обрывки мыслей никак не хотели соединяться в единое целое, и только где-то на заднем фоне маячило нечто невообразимое: ЭКОПОЛ желает заключить с ним договор!!! Пусть даже и устный...

Но, похоже, непростой это договор. Иначе не было бы таких премудростей. А может, послать их к черту с их загадками, наверняка ничего хорошего они не предложат...

Брусов встал и посмотрел на часы.

– Подумай: сейчас ты можешь встать и уйти со мной. Домой тебя не пустят, но в любом случае у нас тебе больше понравится, чем здесь. Я имею право сказать охране, что беру тебя для оперативной разработки.

Антон никак не мог решиться.

– Если не желаешь отвечать – я пошел. Мне не хочется объясняться со следователем. И пропадай ты пропадом...

Но он не торопился выходить. Воцарилась тишина – такая напряженная, что готова была порваться, как струна, и больно ударить...

Стало слышно, как в соседней камере грохнула дверь и охранник крикнул кому-то: «На выход!»

– Хорошо, – услышал Антон свой голос.

– Ну и правильно, – оживился Брусов. – Пойдем, только быстро.

Антон шагал за майором по гулким коридорам, опустив глаза. Решетки перед ними открывались и тут же с лязганьем захлопывались сзади. Они уже миновали тюремную часть здания и теперь спускались по лестнице. Брусов здоровался со встречными, Антон же смотрел только под ноги. Он чувствовал на себе подозрительные взгляды, ему было очень неудобно, казалось, все догадываются, что его незаконно вытащили из камеры и хотят использовать для каких-то сомнительных целей.

На нижних этажах было прохладно и чуть сыро, чувствовалась близость подвала. Возле одной из дверей Брусов остановился и, достав из бумажника чип-карту, открыл замок.

– Жди меня здесь и не вздумай шуметь. Не хватало только, чтоб тобой заинтересовались посторонние.

– Долго ждать?

– Сколько придется, столько и жди. Нам торопиться некуда.

Дверь закрылась, пискнув сработавшим замком, и Антон снова остался один в полупустой комнате без окон. Постоянные перемещения и ожидания уже раздражали. От скуки Антон заглянул в стоящие здесь пластиковые коробки, но там ничего не было, кроме обрывков упаковки и помятых листков документации на немецком языке.

Он сел на пол, положив голову на колени. Нужно было думать. А этого как раз не хотелось. Антон не был любителем авантур, и ему не нравилась неопределенность. Он был уверен, что ближайшие годы так и будет вечерами сидеть с Системой, а утром выходить на рынок в надежде заработать за день хотя бы пятерку.

Сегодня привычный образ жизни претерпел крутой поворот. Его судьбу взяли в свои руки другие люди и, похоже, собирались сильно изменить ее.

За весь день Антон не затратил никакой физической энергии, тем не менее уже чувствовал себя разбитым.

Брусов вернулся не скоро. Он открыл дверь и кивнул, приглашая Антона выходить. На улице уже темнело. В противоположном конце внутреннего двора горели огни заведенного автофургона.

– Пока идем, оглашу условия договора, – сказал Брусов. – Их всего три. Первое – ты выполняешь все распоряжения начальника. Второе – ты не делаешь ничего без разрешения начальника. И последнее – ты никогда никому ни при каких условиях не расскажешь про договор и все, что с ним связано. Нарушив любое условие, ты автоматически возвращаешься в камеру. Хорошо понял?

– Чего непонятного? – буркнул Антон.

– Добро. Лезь в фургон.

Антон немного удивился, что его повезут не в кабине, а в фургоне, как скотину, но возражать не посмел.

Внутри была узкая скамейка. Сквозь маленькое мутное окошко пробивался свет и очертания домов. Понять, куда едет машина, было невозможно, поэтому Антон сел на скамейку и принялся терпеливо ждать. Они ехали долго – видимо, за город. Наконец машина замедлила движение, Антон тут же вскочил и припал к окошку. Оказалось, они свернули с трассы в лес. В свете фар мелькнул указатель «Кольцово». Название было очень знакомым, и Антон некоторое время безуспешно силился вспомнить, что с ним связано.

Машина еще несколько минут шла совсем медленно, затем остановилась и просигналила. За окошком было светло от ярких фонарей. Антон рассмотрел цепочку столбов с осветите-

лями, идущую между деревьями. В этот момент он вспомнил: в Кольцове находилась учебно-тренировочная база оперативного отряда ЭКОПОЛа.

Машина проехала в ворота и там остановилась окончательно. Ежась от ночного холода, Антон вылез из фургона. В свете фонарей видны были только стволы деревьев.

Навстречу вышел Брусов, пряча в карман пластинку мобильного телефона.

– Где мы? – поинтересовался Антон. – Это учебный лагерь спецназа?

– Слишком любопытный, – отчужденно ответил майор. Он смотрел куда-то в сторону, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

Наконец среди деревьев показалась неясная фигура. Вскоре Антон разглядел невысокого, но крепкого человека в обычном спортивном костюме. В руке он держал тонкую бамбуковую палочку и иногда постукивал ею по ноге. Незнакомец не выглядел старым, но его волосы были почти полностью седые.

– Привезли? – спросил он, посмотрев на Антона странным, пронзительным взглядом.

– Да... Проводи его, а я поехал. И так уже на два часа задержался.

– Ладно. Если будут проблемы, я позвоню. Пойдем за мной.

Последние слова относились к Антону. Он поспешил вслед за незнакомцем, услышав, как за спиной разворачивается и удаляется автофургон. Брюки быстро намочили от ночной росы. Незнакомец шел плавно и в то же время очень быстро, Антон едва поспевал за ним.

– Моя фамилия Сергеев, – сказал наконец провожатый. – Я начальник этого лагеря. Выспись сегодня, а завтра ознакомишься с расписанием.

Из темноты выплыли очертания небольших деревянных домиков, беспорядочно установленных среди высоких сосен.

– Заходи в этот и устраивайся, – кивнул Сергеев. – Там должно быть свободное место. Я пошел...

Антон поднялся на порог и толкнул дверь, которая легко открылась. Прошел через веранду и остановился, чтобы глаза привыкли к темноте. Постепенно стали различимы две кровати, одна из них – пустая. Антон шагнул вперед, и тут же под ногами загремела не замеченная ранее табуретка.

На второй кровати кто-то заворочался, затем раздался сонный, но раздраженный голос:

– Хорош там греметь, э!

Антон осторожно поставил табуретку рядом с кроватью и, раздевшись, уложил на нее одежду.

Простыня была прохладная и шершавая. Антон лежал неудобно, однако боялся пошевелиться и разбудить своего нервного соседа. Комната оказалась очень простой: две кровати, две тумбочки, стол и встроенные шкафы. Прошло несколько минут, и с соседней кровати стало доноситься громкое размеренное сопение – сосед, видимо, уснул. Антон перевернулся на живот, укутался в одеяло и быстро отрешился от всех своих проблем.

* * *

Утром Антон открыл глаза и некоторое время лежал, глядя на залитую солнечным светом стенку. Он удивлялся, отчего проснулся так рано и так легко. Наверно, дело было в свежем воздухе. Уже давно ему не приходилось проводить ночь среди живой природы.

Лежать в кровати решительно не хотелось. Он стремительно поднялся и вышел на улицу. Сосед продолжал спать, из-под одеяла виднелись только всклокоченные волосы на его макушке.

Из-за угла доносились звонкие, размеренные удары. Антон выглянул и увидел женщину в спортивном костюме, которая атаковала короткой палкой «безмозглого гумми» из черной резины. На вид ей было лет тридцать пять, но ее фигура казалась очень молодой и сильной. Она

легко и грациозно наносила прямые удары, отпрыгивала, уходя от контратак, и четко парировала выпады механической куклы.

Антон пришел к выводу, что это очень дорогой «гумми» – он не просто прыгал и размахивал болванками-руками, а действовал по сложной интеллектуальной программе, анализировал движения человека, воспринимая его тепловое поле.

Женщина наконец заметила Антона, остановилась и приветливо улыбнулась.

– Здравсьте, – смущенно кивнул Антон.

– Привет, – откликнулась женщина. Антон заметил на ее куртке небольшую нашивку – «Инструктор». – Ты новенький?

– Я приехал сегодня ночью. А вы – инструктор по боевой подготовке?

– Нет, – засмеялась она. – Я инструктор по средствам связи.

Ее кожа и глаза выглядели такими же молодыми, как и фигура. Антон не сказал бы, что она красавица, но ее обаяние привлекало его больше, чем красота иных женщин.

– Как тебя зовут?

– Антон.

– Меня – Анна. Хочешь размяться? – она протянула ему палку.

Антон неуверенно принял оружие, взвесил его в руке и встал в простую стойку перед «гумми». Тот зашевелился, зашуршал моторами и пневмоприводами, примериваясь к новому противнику. Антон легко стукнул его по рукам и сразу перешел в ураганную атаку, нанося по два-три удара в секунду. Большинство ударов кукла отбила с механической точностью и равнодушием. Но Антон знал слабые места электромеханического тренажера, который был способен проанализировать своими германиевыми мозгами любой удар, кроме непостижимого для него двойного. Поэтому, швырнув в голову «гумми» палку, Антон одновременно ударил его обеими ногами в корпус. Кукла повалилась на траву, динамик тихо пропел сигнал поражения средней степени.

– Неплохо, – с уважением сказала Анна. – Ты, наверно, программист?

– А что, так заметно? – слегка обиделся Антон.

– Нет! – засмеялась Анна. – Просто нам нужен был хороший системщик, а его все никак не могли найти.

Антон тут же понадеялся, что сейчас женщина объяснит, кому и зачем он понадобился, но ошибся. Анна подняла палку, слегка стукнула ей «гумми», приказывая подняться, и сказала:

– Видишь там зеленый дом за деревьями? Это столовая – сходи позавтракай. Еще увидимся.

И она вновь занялась своим «гумми».

Антон пробормотал «спасибо» и отправился завтракать. Настроение после встречи с этой чудесной женщиной стало тоже чудесным.

В столовой было почти пусто. В самом углу за столиком сидел Сергеев и разговаривал с худощавым светловолосым человеком в черном комбинезоне. Заметив Антона, Сергеев кивнул ему:

– Не уходи, когда поешь. Надо поговорить.

Антон кивнул в ответ и взял с прилавка поднос с завтраком. Еда оказалась вкусной. Похоже, все было сделано из натуральных продуктов. Когда он допивал яблочный сок, к нему подсел Сергеев.

– Ну как устроился? – поинтересовался он, крутя в пальцах свою бамбуковую палочку.

– Нормально.

– Сейчас пойдем на склад, получишь вещи. Потом – в душ, там и переоденешься. На занятия пойдешь после обеда, а пока можешь тут побродить, осмотреться. Только не вздумай перелезть через забор. Впрочем, тебя должны были предупредить...

– А что за занятия?

– Сейчас... – Сергеев полез в карман за блокнотом. – Так... У тебя будет общефизическая подготовка, стрельба, рукопашный бой, тактика и... И пока все. Немного позже начнешь ходить на альпинизм и средства группового поражения.

– А средства связи? – поинтересовался Антон, вспомнив грациозную Анну.

– По связи, может быть, состоится одно или два занятия, попозже. Там ничего сложного.

– Ясно, – вздохнул Антон.

– Я должен сказать тебе еще кое-то. Формально тебя здесь нет, и мы тебя не знаем. В ближайшие дни наши агенты должны будут распространить среди твоих знакомых информацию о том, куда ты подевался, – чтоб не вызывать лишнего любопытства. Подумай сам, что им лучше сказать? Куда ты мог бы исчезнуть на целый год?

– Можно сказать, что мне присудили крупный штраф и отправили его отрабатывать куда-нибудь...

– Годится. Так и сделаем. Еще одно: с сегодняшнего дня ты включен в команду. Дело, конечно, твое, но я не советую говорить другим свое настоящее имя и фамилию. И вообще поменьше болтай. Здесь все называют друг друга по псевдонимам или позывным. Придумай себе какой-нибудь позывной сам. А то ребята так могут прозвать, что не обрадуешься.

– Ладно, я попробую.

– Попробуй. Запомни и еще одно. Формально команды не существует. Если ты где-то заикнешься про нее, сделаешь хуже только себе. Доказать ты ничего не сможешь. Не пробуй покидать территорию – если сделаешь это и тебя увидят в городе, – наш договор аннулируется, следственный отдел возобновляет уголовное дело со всеми вытекающими последствиями.

Антон удрученно кивнул.

– Напоследок хочу тебя обрадовать. Условно срок нашего договора – один год. На самом деле мы надеемся все сделать гораздо быстрее. Если все сложится удачно, ты не пожалеешь, что оказался в команде. Это я тебе обещаю.

– А если неудачно?

– От неудач не застрахован никто, даже я. Поел? Тогда пошли.

Склад помещался в таком же деревянном домике. Сергеев раскодировал замок и предоставил Антону самому выбрать себе мягкие спортивные ботинки и черный комбинезон со следами оторванной нашивки «ЭКОПОЛ». Были здесь еще майки, полотенца, зубные щетки, авто-ручки и прочая бытовая мелочь.

В душевой комнате у Антона отобрали собственную одежду, сказав, что «пусть пока полежит на складе». Сергеев, убедившись, что с новобранцем все в порядке, поинтересовался, нужно ли ему выдавать сигареты, и ушел по своим делам.

Антон вышел из душа и понял, что не знает, как пройти к своему домику. Он отправился наугад и вскоре наткнулся на высокий забор, из-за которого доносились возбужденные крики и звонкие шлепки – похоже, там играли в волейбол.

Он прошел дальше вдоль забора, увидел турники, барьеры, стенды для стрельбы из арбалета и метания холодного оружия. Все это походило на обычный спортивный лагерь. Почему-то было совсем безлюдно.

Побродив с полчаса, Антон вышел наконец к своему жилищу. Дверь была открыта настежь. Он шагнул внутрь и увидел, что сосед сидит на кровати и курит. Лицо у него было покрасневшее, волосы – мокрые, на темно-синей майке проступали пятна пота. Похоже, ему только что пришлось серьезно поработать мышцами.

– Здесь будешь жить? – с ходу спросил сосед.

– Наверно, – пожал плечами Антон.

– Кровать за собой убирай, ладно? Меня зовут Сержант.

Антон протянул руку и понял, что не знает, как назваться. Он так и не придумал себе псевдоним. Пришлось представляться настоящим именем.

– Уф-ф... – выдохнул Сержант, растягивая пальцами воротник майки. На груди блеснула цепочка с армейским медальоном. – А ты почему кросс сегодня не бегал?

– Я тут первый день. Сергеев сказал, что на занятия нужно идти только после обеда.

– Ты программист, что ли?

– Ага.

– А сюда как попал?

Антон вновь почувствовал себя неловко. Но Сержант не стал настаивать на конкретных фактах.

– Быстро тебя уговорили-то? Меня две недели в камере мариновали и всякие ужасы рассказывали.

Антон с облегчением понял, что у этого парня такая же история с арестом и последующим мнимым освобождением.

– Нет, меня всего одну ночь держали, – сказал он.

– И ты так быстро сломался? Что тебе грозило-то?

– Сказали, три года.

– Брехня, – презрительно махнул рукой Сержант. – Пугали просто. А по мне – так лучше три года отсидеть. Но у меня покруче поворот вышел. Ладно... Пусть будет этот долбанный контракт.

– А что за контракт? Что мы должны делать?

– Сначала – прыгать, бегать, стрелять. А потом... Не знаю. Наверно, ничего хорошего.

– Почему?

– А потому. Зачем солидной конторе нужна бригада уголовников? Думаешь, будем за великие идеи бороться? Ничего подобного, для этого желающих и так хватает. Вон за забором две сотни лбов из оперативного отряда слоняются, не знают, чем заняться. Зачем здесь еще и мы нужны?

– Не знаю, мне ничего не говорили.

– Вот и мне ничего не говорили. Знаешь, что я думаю? Одеть людей в форму, раздать им оружие и научить красиво драться – для этого большого ума не надо. Нет ничего проще, чем собрать и обучить очередное штурмовое подразделение. Но только зачем? Ведь перед любой спецоперацией кто-то должен хорошо подумать, много поработать и тщательно все подготовить. Не так уж и часто этим костоломам из оперотряда приходится навыки применять. Выходит, мы нужны для того, чтобы кто-то добивался своих целей, но при этом не думал и не работал. Мы же на все способны. Мы любую грязную работу выполним, пусть только прикажут. Терять-то нам нечего.

– Почему тогда ты сам на это согласился?

– Да откуда я мог знать?!

– Еще не поздно отказаться.

– Отказаться – и в камеру? – запальчиво ответил Сержант, но тут же смутился, поняв, что противоречит сам себе. – Теперь уж не хочу отказываться. Во-первых, привык, а во-вторых, ничего такого пока с нами не делают. Только гоняют по полигонам до одурения. Посмотрим, что дальше будет. Может, еще и откажусь. А ты сам почему согласился?

– Не знаю... – пожал плечами Антон. – Все-таки не тюрьма.

– Да, – неожиданно задумчиво кивнул Сержант. – Не тюрьма. Почти не тюрьма. Все так неожиданно получилось... Я привык, что меня всегда папаша отмажет, и творил, что хотел. А однажды не смог отмазать. Дело-то замяли, но и из армии по-тихому выгнали. Я уже и забыл про все это, и вдруг через два года вызывают... Обещают дело возобновить, судить, наград лишить. Вот когда про награды заикнулись, тогда я и сломался. Награды никому не отдам. Ни одна сволочь меня не заставит...

– Что за история была?

– Да так... Поцапался с двумя жлобами – одному ключицу сломал, другому челюсть поглубже задвинул. В общем, они тоже не правы были.

– У меня почти то же самое. На рынке сцепился с двумя, а они оказались инспекторами ЭКОПОЛа. Ну и раскрутили меня по полной программе. Проникновение в закрытую сеть пришили...

– Это по компьютерам, что ли? Я в этом мало понимаю. А разве за это сажают?

– Смотря кого. Сажает, если человек профессионально занимается воровством и продает чужую информацию. А я – просто так, для интереса... На таких, как я, никогда и внимания не обращали. А тут вдруг взяли и решили прижать.

– Это мелочи, – махнул рукой Сержант. – Здесь вообще большинство – случайные люди. Почти всех просто подставили. Только я тебе советую, поменьше о себе рассказывай, поменьше спрашивай у других. Здесь этого не любят.

– Сколько нас?

– С тобой – шестеро.

– Так мало?

– Мало. Как раз мобильная боевая группа по примеру поволжских казаков, уж я-то это дело знаю. Два автоматчика, снайпер, связист, медик и специалист.

– Какой специалист?

– Да любой. Смотря для чего собрали группу. Взрывник, например, или переводчик. Но у нас специалист, видимо, ты. Делай выводы. Кстати, нас шесть, а инструкторов – восемь! Да еще обслуга. Чувствуешь? В оперативном отряде – я спрашивал – на двести мордоворотов всего пять инструкторов, а у нас – восемь!

– Да, странно... И ты даже приблизительно не знаешь, зачем нас собрали?

– Понятия не имею. Да ты не торопись, все равно скоро узнаем. Потому что с сегодняшнего дня команда собрана полностью. Только тебя не хватало. Они долго не могли найти программиста, да не простого, а чтоб драться уметь и вообще нормальным мужиком был, а не очкариком. А если и находили, то не на чем было подловить. Слушай, а ты в армии служил?

– Да. Войска электронной защиты.

– А-а, знаю. «Дивизия яйцеголовых». Я думал, ты хоть в спецназе был...

Антон хотел еще порасспросить Сержанта, но тот посмотрел на часы и резко поднялся.

– Пойдем, через пять минут общий сбор и занятия. Только хочу предупредить: у нас тут все ребята с норовом. Так что ты характер не особо показывай. А то можем не сработаться...

* * *

– ...Паршивый выстрел, парень! Еще хуже, чем прошлый раз. Посмотри сам: ты едва задел силуэт. Не понимаю, как ты целишься? Глаза вроде не кривые, руки – тоже. В чем дело? Ну возьми ты пистолет крепче, не сломаешь – это ж не девка. Ты его боишься, что ли?

Антон уже взмок. И вовсе не от усталости, а скорее от бессилия. Он ненавидел этот пистолет, ненавидел мишень и патроны. Грохот выстрелов раздражал и отзывался головной болью.

Целился он больше не мог – дрожали руки. Дрожали не потому, что пистолет был тяжелым. Просто Антон знал: сейчас он выстрелит и снова промажет, и тогда инструктор вновь начнет делиться своими далеко не снисходительными отзывами, презрительно кривиться, оскорблять и показывать всем своим видом, что Антон ни на что не годен.

– Давай еще, – потребовал инструктор. – Бери патроны, заряжай. Так... Как берешь пистолет? Да не хватай ты его обеими руками! Поверь мне, с одной руки стрелять легче и точнее. Потому что длиннее получается линия от глаз до целика, понимаешь? Возьми одной рукой, не спорь. Ковбой нашелся тут... Так... Вторую убирай куда-нибудь за спину, чтоб не болталась, не мешала. Так... Наводи. Замер. Ну...

Как назло, у пистолета была слишком широкая рукоятка с грубым рифлением, она неудобно и неприятно сидела в руке. Это был неудобный во всех отношениях гражданский пистолет «Одиночка», предназначенный для больших сильных мужчин, которые не наигрались с оружием в детстве.

Рукоятка сидела в потной руке ненадежно. Иногда казалось, что сейчас отдача выбьет ее...

– ...Плавно спускаешь крючок... Плавно. Ты не должен знать, когда будет выстрел. Долго целишься, у тебя уже рука ходуном... Опустить пистолет, передохни. Отдохнул? Давай, попробуй еще. Так... Еще... Еще... Смотри на мушку, а не на мишень. Мишень нужно видеть, просто как мутное пятнышко, понял? Стреляй!

После каждого выстрела в голове поднимался и затихал шум. Антону казалось, что еще немного – и голова лопнет. Или сломается пистолет – разлетится хрупкими горячими осколками, не выдержав силы пороховых газов...

– Плохо, парень, плохо! Не стараешься. Пойми, твое оружие пистолет! Из автомата любой сможет стрелять, но мне приказали научить тебя работать с пистолетом, а не с автоматом и не с ружьем. Старайся...

Самое обидное, что Антон в принципе умел стрелять. Довольно часто он загружал в Систему профессиональный тренажер «Я – Телохранитель» и упражнялся, стреляя по злоеющим фигурам в черных пиджаках, выскакивающим из дверей, окон, машин и так далее. Но тогда у него в руках была не эта шершавая железка, а изящный световой маркер «Самсунг», который идеально помещался в ладони. И там не стоял над душой инструктор, готовый наорать и смешать с грязью за каждый промах.

– Можно я один потренируюсь? – спросил Антон.

– Нет! Я понимаю, ты хочешь спокойной обстановки? Но в жизни не приходится стрелять в спокойной обстановке. Научись держать спокойствие в себе самом, независимо от того, что творится вокруг, ясно?

Антон вновь поднял пистолет, заранее зная, что не попадет. Все уже осточертело...

– Ладно, достаточно, – проворчал инструктор. – Тебе пора идти, сейчас у вас кросс. Но запомни: можешь на меня злиться, можешь всем рассказывать, какой я козел, но стрелять я тебя научу! В недобрый час сам поймешь, хороший я был или плохой, когда заставлял тебя стараться...

Антон с облегчением положил оружие на стойку, вытер об штанину вспотевшую руку и пошел к столовой, где обычно все собирались перед кроссом.

На этот раз он пришел последним. При его появлении остальные пятеро нехотя поднялись, некоторые сняли майки и бросили здесь же, на крыльцо. Солнце подбиралось к зениту, и после таких пробежек одежду впору было выжимать.

Попрыгали на месте, размялись, разогрели суставы и, не сговариваясь, тронулись вперед, вдоль забора, быстро увеличивая темп. Антон пристроился последним. Он знал, что первый круг вдоль забора лагеря будет довольно простым, но вот потом... Про «потом» не хотелось думать.

За две проведенные здесь недели Антон уже со всеми познакомился, хотя и немного про них узнал. Лидером в команде был безусловно Самурай – высокий жилистый парень лет двадцати пяти. Прозвище он получил, видимо, за свои глаза – колючие, твердые и постоянно прищуренные. Он единственный из всех умел обращаться с людьми как старший с младшими, независимо от того, кто был его собеседником. С ним хотелось считаться, оправдываться, показывать себя с лучшей стороны. Самурай редко кого-то хвалил, поэтому его похвала считалась высшей наградой. Антон узнал только, что раньше он служил то ли в тюрьме, то ли в криминальной милиции. А больше про него ничего известно не было.

Полной противоположностью Самураю был Печеный – бывший уголовник с большим опытом. Как ни странно, они с Самураем жили в одном домике. Печеный был здесь старше всех, но большие прозрачные глаза и бесцветные брови придавали его лицу детское выражение. Волосы у него на голове не росли, а кожа была дряблой и морщинистой. На фоне детских глаз это выглядело не очень-то симпатично.

Печеный провел в лагерях по меньшей мере лет десять и бывал там не раз и не два. Его речь была размеренная и неторопливая, каждому слову отводилось свое место. Блатных словечек Печеный не употреблял – то ли не любил, то ли берег для другого, более привычного общества. Ему нравились в жизни простые удовольствия – сытно, неторопливо поесть, хорошо поспать после обеда, чисто вымыться, полежать на траве под солнышком. На первый взгляд он казался спокойным и безобидным. Но в глубине глаз у него что-то тлело. И внешнее спокойствие было лишь слоем пепла над раскаленной магмой. Он охотно подчинялся разумной силе, но лишь до тех пор, пока эта сила не затрагивала его достоинства.

Еще здесь был Обжора. Антон завидовал ему черной завистью, потому что он чуть ли не ежедневно ходил на занятия к Анне. До того, как попасть в команду, он работал в какой-то фирме по проблемам электроники малой мощности.

Обжора был высоким, чуть толстоватым парнем с вечно сытым и удовлетворенным выражением на лице. Что бы ни случалось, он никогда не жаловался и не хмурился. Казалось, никакие неприятности не могли пробить его большое тяжелое тело. Однако при всей своей тяжеловесности он умел легко и очень проворно двигаться. Антон видел его на занятиях по рукопашному бою и со страхом представлял себя на месте противника Обжоры. Быстрая, неукротимая и непредсказуемая сила – такое впечатление он создавал во время спарринга.

Меньше всех Антону нравился Гоблин. Он, как и Сержант, раньше был кадровым военным, но служил во Всемирном миротворческом легионе и постоянно бывал то в Африке, то на Ближнем Востоке. Его посылали всюду, где начиналось какое-либо шевеление, мало-мальски похожее на вооруженный конфликт. Гоблин был отличным снайпером-универсалом. Невысокого роста, с большой несимметричной головой, он походил на какое-то уродливое животное или птицу. Антон легко представлял его где-нибудь на верхушке сосны, замotanного в маскировочные оболочки, с длинной автоматической винтовкой.

Когда Гоблин начинал говорить, казалось, его мучает изжога. Антон ни разу не слышал, чтобы этот человек отзывался о чем-то хорошо. Складывалось впечатление, что всю жизнь ему только гадили – родители, учителя, соседи, командование и даже случайные прохожие.

Но, что и говорить, Гоблин умел мстить миру за свою непонятную обиду. Когда он изредка рассказывал про свои «миротворческие» приключения, его глаза разгорались. «...Этот лох в прицеле у меня ходит взад-вперед и на часы поглядывает. Думает, наверно, сейчас смеяют его и пойдет в казарму гашиш курить. А война кончится – домой, к жене, к детишкам. Телевизор по вечерам смотреть, кофе варить... А тут я с дерева пальчиком – щелк! – и все. Не видать ему ни гашиша, ни жены с детишками...»

Рассказывая это, Гоблин кривился, улыбался одними губами и нервно перебирал своими короткими кривыми пальчиками. Антон старался поменьше общаться с ним. Но тот и сам не лез с разговорами. Когда другие рядом с ним болтали, он обычно сидел с пустыми глазами, с вечной своей кривой ухмылкой, шевеля пальцами, вспоминал что-то свое...

...Первый круг, как и ожидалось, закончился легко. Антон бежал, не отставая от других, в приподнятом настроении. Двигаться по утоптанной дорожке вдоль забора было приятно, особенно здесь – на свежем воздухе, под кронами больших деревьев. Но впереди было еще несколько кругов. Антон давно понял, что эти пробежки устраиваются не для того, чтобы занять время. Кросс учил выжимать из себя последние силы. Уже в начале третьего круга у Антона начало сбиваться дыхание. Всеми виной был темп, который задавал бегущий впе-

реди Самурай. Он не позволял замедлиться, отдышаться, восстановить силы. И трудно было не только Антону, но и всем остальным...

* * *

...С ребятами он сошелся довольно быстро. О дружбе, конечно, речи идти не могло, но его приняли в свой круг. Хотя сначала несколько удивленно поглядывали, не понимая, что делает здесь этот задумчивый парень с неспортивной фигурой и спокойными глазами. Но вопросов не задавали. Раз его привезли – значит, так нужно.

Первое время Антон, правда, комплексовал. Было совершенно ясно, что он здесь случайно – чины ЭКОПОЛа увидели на видеозаписи, как он раскидал двоих инспекторов на рынке, и ошибочно решили, что он хороший боец. На самом деле Антон понимал: его ученические навыки – ничто по сравнению с тем, что умели делать остальные члены команды. Там, на рынке, было легко отбиться от двух необученных полицейских контролеров, которые к тому же не ожидали нападения. Здесь же ему даже в шутку не предлагали помахать ногами. Как партнер он никому не был интересен. Просто пустое место.

Ближе всех Антон волей-неволей сошелся со своим соседом по комнате. Болтать с ним было довольно легко, хотя общих тем для разговоров находилось немного. Иногда обсуждали фильмы. Сержант часто говорил про службу, вспоминал, как их дивизию вывозили в зону Поволжского конфликта. Особенно любил рассказывать, как некоторые взводы отказывались стрелять в казаков, как казаки братались с частями регулярной армии. Про трудности и опасности он почему-то говорил очень мало.

Антон пытался найти собеседника в лице Обжоры – все-таки тот был электронщиком, – но Обжора был немногословен, на вопросы отвечал неохотно, и знал по своей профессии довольно мало. Оказалось, он не имеет даже своего почтового ящика ни в одной из коммерческих сетей...

* * *

...Третий круг Антон прошел легче, чем обычно – видимо, начали давать плоды прежние тренировки. И все же грудь судорожно вздымалась и опадала – легкие не могли насытиться воздухом. Казалось, он стал жидким и разреженным. Ноги пока еще держали темп, но уже двигались как бы сами по себе, Антон почти не управлял ими. Он знал, что пройдет несколько минут – и он начнет отставать. Это было самое неприятное – видеть, как спины твоих товарищей становятся все дальше и дальше, а ты остаешься один на один со своим изнеможением, хриплым дыханием и последними каплями сил. Но пока он держался. Мучился, насиловал себя, но не отставал...

* * *

Несмотря на то что за последнее время Антон пообвыкся со своим новым положением, настроение у него было все еще подавленное. Больше всего удручала неопределенность – Антон привык знать, зачем живет, видеть свои цели и не играть по чужим правилам. Тем более втемную. Теперь все было с точностью до наоборот, и это раздражало. Ежедневные изнурительные тренировки не лишили его способности думать, напротив, он научился острее чувствовать и понимать, что видит. Беда заключалась в том, что он мало видел. Выводы было делать не из чего.

Определенно, его ломали как личность. Более того, заставляли самого активно участвовать в этом. Инструктору по рукопашному бою было все равно, выучит ли Антон тот или иной удар. Ему было важно, чтоб Антон заставил себя учить этот удар, как бы трудно это ни было.

Не прибавляло радости и то, что Антон явно отставал от остальных. Он не был спортсменом, он никогда толком не учился стрельбе и рукопашному бою, не считая нерегулярных сомнительных уроков в армии, а на занятия с «гумми» ходил только, чтобы разнообразить свой сидячий образ жизни. Тренировки в спортзале раньше были для него лишь зарядкой и развлечением, так же, как и домашняя пальба по электронным мишеням. У него действительно красиво получалось махать ногами, но когда здесь с ним провели первое вводное занятие, он решил больше никогда никому не показывать своих прежних умений. Это было настолько убого, настолько беззащитно, что Антон в тот вечер полчаса сидел на стуле и не отвечал на вопросы – он был потрясен и раздавлен.

Еще через несколько занятий он поразился, насколько терпеливым и твердым нужно быть, чтоб продвинуться вперед хотя бы на шаг. Человек, желающий научиться чему-то, должен ненавидеть свое тело, не давать ему никакой пощады и радоваться его боли и измождению.

Были в его теперешней жизни и приятные моменты. Время от времени всех собирали в пустующем конференц-зале, раздавали портативные компьютеры и учили ориентироваться в сетях – как любительских, так и специальных. Из всех членов команды, кроме Антона, только Обжора имел некоторое представление об этом деле. Антон удивлялся, глядя, как эти сильные, самоуверенные парни становились совершенно беспомощными перед мониторами. Обучение шло со скрипом, ребята не понимали, зачем им знать такие сложные вещи, и занимались неохотно. Что же касается Антона, инструктор сразу понял, что этого парня уже нечему учить, и предоставлял ему право заниматься самостоятельно. Антон мог залезть со своего компьютера куда угодно, единственное чего он не мог, – это отправить сообщение – операция передачи была надежно заблокирована.

Трудновато было поначалу привыкнуть к кличкам, которые имели все в команде. Точнее не кличкам, а «позывным» или «псевдонимам», как любил выражаться Сергеев. Сам Антон так и остался без «псевдонима». Правда, однажды в столовой Анна при всех шутливо обозвала его Шпунтиком. Все ухмыльнулись и попробовали утвердить это прозвище за Антоном. Но уже на второй день Самурай заявил: у нас не должно быть никаких «шпунтиков». Еще через пару дней на занятиях с компьютерами Антону пришлось объяснять какой-то простой вопрос Печеному. Чрезмерно увлекшись, он и сам не заметил, как залез в такие дебри понятий и терминов, что все оторвались от занятий и уставились на него, открыв рты от изумления. Печеный лишь сокрушенно покачал головой и пробормотал: «Ну ты даешь, кибернетик...» Ребята попытались было отныне звать его Кибернетиком, но прозвище не приживалось. Пришлось ему оставаться под своим именем. И это было вовсе не плохо.

* * *

...На последнем круге Антон уже не разбирал дороги. Трава, забор, деревья – все прыгало перед глазами, сливалось в пеструю мешанину красок. Он уже не вспоминал про теоретические правила бега – один вдох на два шага, выдох через рот, и так далее. Его дыхание теперь больше походило на стон. Слипшиеся от пота волосы болтались и стегали по глазам, пульс бил в виски резиновой грушей – тум, тум, тум... Расстояния перестали существовать, казалось, движение ни на сантиметр не приближает его к финишу, а ноги просто молотят горячую вязкую пустоту.

Но он различал впереди чью-то голую спину, и нетрудно было почувствовать, что этому человеку тоже невероятно тяжело – его бег напоминал камнепад: ноги тяжело обваливались на землю, подгибаясь от ударов. Уже десять раз Антон собирался плюнуть на все и остановиться,

но всякий раз не позволял себе сделать это. «Вот, еще десять шагов – и остановлюсь... Нет, еще двадцать...» – и так каждый раз. Он учился не бегать, а только лишь побеждать самого себя.

Наконец впереди показались долгожданные ворота лагеря, служившие условной точкой отсчета ежедневного кросса. Но их вид не прибавил новых сил. Наоборот, тело взбунтовалось и не хотело подчиняться, метры пути растянулись, воздух стал тугим и неподатливым, отказываясь пропускать тело вперед...

Последние шаги Антон пробежал, уже падая. Он коснулся ствола ближайшего дерева и медленно опустился на траву, жадно забирая воздух.

Полминуты спустя до финиша добрался и Обжора – бледный, взмокший и хрипящий от напряжения. Антон не помнил, когда успел обогнать его.

Теперь уже все сидели на траве возле ворот, отдувались, стряхивали пот и растирали онемевшие ноги. Все, кроме Самурая. Он тоже устал, но, как всегда, гораздо меньше, чем другие. Он единственный не сел отдыхать, а остался стоять на ногах.

– Сегодня лучше, – сказал он, подойдя к Антону.

– Знаю, – тихо ответил Антон.

Еще бы... Сегодня Антон впервые пришел не последним.

* * *

После кросса оставалось еще около получаса до обеда. Все разбрелись по своим домикам под защиту желанной прохлады.

Антон, приняв душ, тоже отправился к себе. После пробежки ноги казались деревянными. Он шел очень медленно, наслаждаясь тем, что не нужно никуда больше спешить. Обычно он обходил домик Анны слева, по тропинке, но сегодня решил пройти с другой стороны – там, где падала тень от двух огромных сосен и не пекло солнце.

Он удивился, увидев с обратной стороны домика дополнительную дверь. Обычная деревянная дверь с простым механическим замком. Именно механическим, который можно открыть только ключом, а не чип-картой, комбинацией цифр или голосом. Открыть такой замок Антон не смог бы, несмотря на свой большой опыт борьбы с разными средствами защиты от посторонних.

Жилые домики были столь маленькими, что присутствие дополнительного помещения казалось странным. Антон не мог представить, что можно уместить в такой камерке. В конце концов он постарался убедить себя, что ему нет до этого никакого дела, и пошел своей дорогой. И все же решил теперь почаще обходить домик Анны с правой стороны. Может, случайно удастся узнать секрет этой двери.

Сержант лежал на кровати, обмахиваясь полотенцем.

– Что это ты возле Анкиного дома остановился? – насмешливо спросил он.

– Да так... – пожал плечами Антон. – Ты не знаешь, что это за дверь там, с обратной стороны?

– А тебе-то что? Хочешь Анку туда затащить? И не мечтай. Тут у нас все такие мечтатели, а ее Сергеев к себе водит. Только дернись – сразу вылетишь отсюда, сам знаешь, куда...

Антон расстроился. Анна ему очень нравилась. Он каждое утро видел, как она занимается со своим роботом, и всякий раз она очень приветливо здоровалась с ним. Других членов команды она, в общем-то, не замечала, и Антону льстило, что только с ним она установила этот дружеский мостик. А теперь оказалось, что она принадлежит здесь кому-то еще. Лучше бы об этом не знать...

– Да ты не кисни! – засмеялся Сержант. – Поедем в следующий раз на «фестиваль» – такую девку тебе найдем, что вовек не забудешь, может, даже жениться захочешь. Мы ребята простые, у нас с этим делом проблем не бывает.

– Куда поедет? – не понял Антон.

– Увидишь! – загадочно пообещал Сержант и поднялся, натягивая майку. – Пойдем-ка пообедаем. У меня сегодня еще теоретическая подготовка, а на такое дело лучше приходить сытым.

* * *

Через два дня в лагерь приехал Брусов. Антон увидел его, возвращаясь с тренировки. Они шли вместе с Сергеевым по тропинке и о чем-то спорили.

Как ни странно, при виде Брусова Антон почувствовал что-то вроде радости. Оказалось, после стольких дней заточения с совершенно чужими людьми было приятно встретить даже малознакомого человека.

Антон подошел поближе, чтобы поздороваться, но майор равнодушно скользнул по нему взглядом и прошел мимо.

Антон это задело. Сразу вспомнилось, как Брусов распинался в момент вербовки и прикидывался чуть ли не другом.

Он остановился, с глупой обидой и недоумением глядя им вслед, и вдруг услышал отрывок разговора.

– У ребят только-только начало получаться! – раздраженно говорил Сергеев. – А вы хотите взять и все в один момент испортить, «засветить» команду перед всем городом. А главное – ради чего?!

– Вот иди и скажи это шефу, – невозмутимо отвечал майор. – Мое дело – передать распоряжение, поскольку я вроде ваш куратор.

– Неужели нельзя как-то договориться, ну, других найти в крайнем случае? – Сергеев нервно стучал своей бамбуковой палочкой по голени. – Мало ли головорезов...

– Если б можно было – тебя бы не побеспокоили...

Антон заинтересовался – речь шла о команде, а значит, и о нем тоже. Однако больше ничего расслышать не удалось. Заинтригованный, он вернулся в свой домик и поделился услышанным с Сержантом. Тот лишь пожал плечами и предположил, что нашлась какая-то работенка.

Разгадку все узнали только вечером. Сергеев пришел в столовую хмурый и велел после ужина никому не расходиться.

Никто сначала не удивился. Сергеев часто оставлял команду после ужина, чтоб объявить распорядок занятий на следующий день или сообщить, например, о замене постельного белья.

На этот раз речь шла не о белье.

– Завтра будет горячий денек, – сказал Сергеев. – Вам нашли работу. Скажу честно, она мне не нравится, но придется ее сделать. От того, как вы справитесь, может многое зависеть.

– Какая работа? – нетерпеливо спросил Гоблин.

– Сегодня утром торговцы отметили двоих инспекторов ЭКОПОЛа на юго-западном рынке. Завтра утром вы должны выехать на рынок и сделать то же самое с торговцами. Не со всеми, а с теми, которых вам покажут. Они все стоят на одном ряду и торгуют телетехникой, их немного. Вот, смотрите...

Сергеев подключил висящий на стене плоский экран и открыл карту рынка. Антон плохо его слушал. Он пребывал в величайшем изумлении: оказывается, ЭКОПОЛ занимается такими гнусными вещами, да еще и создал для этого... нет, не команду, а просто банду, иначе не назовешь! Ему раньше и в голову не могло такое прийти. А сейчас он сам должен был участвовать в этой подлой, преступной акции.

Сергеев наскоро объяснил, где находится то место, в котором следовало устроить погром, обвел своей тростью предполагаемый маршрут, показал, где будет ждать машина, и добавил:

– Еще раз повторяю, я не хотел бы, чтоб вы этим занимались, но выхода нет – у меня распоряжение начальства. О секретности, думаю, предупреждать не нужно. Детали обсудите между собой, Самурай уже в курсе.

Когда он вышел, воцарилось молчание. Антон украдкой оглядел товарищей и понял, что все относятся к предстоящему делу по-разному. Доволен был, кажется, только Гоблин. По его лицу блуждала мстительная усмешка. Впрочем, это было одно из обычных выражений его лица. Обжора, Сержант и Печеный выглядели слегка растерянными. Но слегка. Спокойным был лишь Самурай.

– Надо делать, – сказал он.

– Интересно, сколько их там человек? – задумался Печеный, почесав затылок. – Как бы мы там сами не получили...

– Если все хорошо продумаем – не получим, – Самурай встал, подошел к карте. – Длина ряда – около тридцати метров. Обработать мы должны только вот эту часть. Идти придется двумя группами – по одной на каждую сторону. На рынок заходим поодиночке, собираемся вот здесь, но друг друга не замечаем. Постепенно сдвигаемся к середине ряда, а вот здесь я незаметно бросаю в толпу свето-шумовую гранату...

– Давайте все бросим гранаты! – предложил Печеный. – Больше будет паники.

– Если мы все начнем бросать гранаты, будет слишком заметно, – спокойно возразил Самурай. – Я брошу гранату, и только после этого начинаем действовать. Если успею – подброшу и еще несколько штук для шума. Я уже обсудил экипировку с Сергеевым: у каждого будет электродубинка, укрепленный кевларовый панцирь, нарукавники и шоковые пистолеты с резиновыми пулями. Пистолетами пользоваться только в крайнем случае. Ими можно покалечить людей, а такого приказа не было. Все, что несем, должно быть спрятано под одеждой.

– Там на рынке охрана, – подал голос Обжора. – И у них тоже пистолеты. С настоящими пулями, кстати.

– Знаю. Охрана обычно сидит у себя в вагончике и успеет сюда в лучшем случае через полторы-две минуты. За это время мы должны закончить дело. Работаем быстро. Индивидуальный подход к каждому клиенту необязателен. Нужно только ударить один-два раза, испортить товар и переходить к следующему прилавку. Затем мы должны перескочить через этот забор и прыгнуть в грузовик, который будет нас ждать.

– Высокий там забор-то? – поинтересовался малорослый Гоблин.

– Довольно высокий. Но там будут приставлены крышки от ящиков, об этом позаботятся без нас.

– А если кого-то из наших примнут? – проговорил Печеный. – Ждать его или бежать, выручать?

– Если кто-то останется и попадется охране – это его личная проблема. Подставлять всю команду из-за одного человека мы не можем.

Он на секунду замолчал, оценивающе посмотрев на Антона.

– Сразу определимся с группами. По правой стороне идут Обжора, Гоблин и Печеный. По левой – я, Сержант и Антоха. Еще вопросы есть?

– Зачем это все нужно? – не выдержал Антон.

Все насмешливо переглянулись.

– Не тебе обсуждать, – назидательно ответил Самурай. Потом он нервно пробарабанил пальцами по столу и добавил, уже не так холодно: – Начальство считает, что, если не отреагировать сейчас, инспекторов будут бить и дальше. Это уже не первый случай. Но принять меры по закону они не могут. Во-первых, ни один дурак на рынке не станет давать показания, а во-вторых, эти инспектора сами постарались всех разозлить. Брали штрафы и не выписывали квитанции. До того обнаглели, что брали деньги и, не пересчитывая, клали в карман. А

наказывать их нельзя, – Самурай понизил голос, – один из них начальнику департамента зятем приходится.

– Так во-от в чем дело! – протянул Печеный. – Выходит, нас на кровную месть подражают?

– А тебе не все равно? – отозвался Гоблин.

– Ладно, хорош базарить! – оборвал Самурай. – Если кто-то недоволен, идите к Сергееву и там протестуйте. Экипировку и гражданскую одежду получаем утром после завтрака. Подъем – в семь тридцать. Если хорошо сделаем дело – поедем на «фестиваль». Мне уже обещали...

При этих словах команда заметно повеселела.

– Какой еще фестиваль? – спросил Антон у Сержанта, когда они вернулись в свой домик.

– Увидишь, – многообещающе улыбнулся Сержант. – Я же тебе обещал невесту найти. А то ты весь слюной исходишь, когда на Анку глядишь. Думаешь, не видно?

– Да при чем тут это?! – с досадой ответил Антон.

Он лег в кровать и долго мучил себя унылыми размышлениями. В этот вечер он почувствовал себя быдлом, на которое можно надеть любой хомут, даже самый грязный. Завтра они должны идти на рынок и бить торговцев только потому, что какой-то чиновник из ЭКОПОЛа хочет отомстить. А давно ли Антон сам был таким же торговцем, стоял в рядах и клял последними словами инспекторов, что копались в его товаре и наказывали за каждую мелочь?

«Завтра будем убеждать себя, что торговцы плохие, что они сами поступили неправильно и заслужили наказание, – подумал Антон. – А иначе – как решиться ударить?..»

* * *

Утром он почувствовал неприятное волнение. Как перед экзаменом, к которому не готов. Да и не только он – настроение было неважным у всех. Быстро, почти не разговаривая, позавтракали, затем получили у Сергеева вещи. Антон взял себе брюки из плотной темно-серой ткани и просторную рубашку, под которой легко было спрятать панцирь и все остальное. Смотрелся он в этом одеянии не слишком элегантно, зато незаметно. Остальные тоже не блистали вычурностью нарядов.

В автобусе Самурай постоянно бросал на Антона полные сомнения взгляды, потом подсел и сказал:

– Когда начнется, от меня не отходи, понял? Вперед не рвись, но и не отставай. Если что случится – зови.

Их высадили в двух кварталах от рынка, и автобус уехал. Как было оговорено, все сразу разделились и растворились в потоке прохожих. Антон вдруг почувствовал какую-то шальную радость от того, что вновь оказался на улице, один, среди обычных свободных людей. Но примешивалась горечь обиды. Он не мог сейчас повернуться и пойти куда вздумается, а маршрут его был четко определен и исключал отклонения.

Антон шел, опустив глаза, чтобы случайно не наткнуться на кого-то из знакомых. На такой случай у него, конечно, была припасена версия, но выкручиваться и объясняться с кем-то все равно не хотелось.

Территория рынка была огорожена плотным щитовым забором, украшенным пестрыми рекламными панелями. Он бывал здесь раз или два – юго-западный рынок располагался на самой окраине, и сюда приезжали в основном только жители пригородов. Антон плохо помнил расположение рядов.

Найти нужное место оказалось сложнее, чем он думал вчера, глядя на карту. Посетителей пока было мало, и торговцы, пользуясь этим, пили кофе, болтали, листали журналы и игрались с карманными электронными играми.

Антон неторопливо шел между рядов, поглядывая на товар и нигде надолго не задерживаясь. Продавцы иногда делали попытки заинтересовать его своими вещами, но не очень настойчиво – у Антона был вид типичного праздношатающегося без копейки в кармане.

Он без особого интереса миновал ряды с одеждой и обувью, слегка задержался у прилавков с туристическим снаряжением. А вот поглазеть на фототовары ему толком не удалось – время поджимало.

Ряды телевизионщиков были видны издали – эти ребята выстраивали из своего товара стенки метра по три высотой. Здесь уже собралось довольно много посетителей, и Антон не сразу нашел своих. Сначала он увидел Обжору – тот эмоционально спорил с одним из продавцов насчет какой-то антенны, хотя Самурай четко дал понять, что нельзя заранее привлекать внимание.

Затем в толпе мелькнула вечно не чесанная голова Сержанта. Антон неторопливо направился в его сторону. По дороге его перехватил неизвестно откуда взявшийся Самурай.

– Ты готов? – тихо и быстро спросил он. – Ждем Гоблина и сразу начинаем. Далеко не уходи, будь рядом. И посмотри на всякий случай, нет ли тут твоих знакомых.

Он вновь исчез. Антон нерешительно остановился. Ему следовало по-прежнему прикидываться рыночным зевакой, но при этом находиться на одном месте. Задача нелегкая.

Наконец он решился подойти к ажурному стеклянному прилавку с видеокамерами, наклонился над ними и стал пристально разглядывать, растягивая время. Торговец посмотрел на него без интереса. Он даже не стал спрашивать: «Чем интересуетесь?»

Антон закончил любоваться камерами и перешел к чтению аннотаций. Подняв на мгновение глаза, он встретил подозрительный взгляд продавца. Тот как будто спрашивал: что ты, парень, здесь дурью маешься, покупателей отпугиваешь? Антон хотел было спросить что-нибудь умное, но не успел. Кто-то легко тронул его за плечо, и над ухом прозвучал быстрый шепот:

– Через пять секунд начинаем...

Он оглянулся, но никого не увидел.

И вслед за этим раздался оглушительный грохот.

Антон вздрогнул и начал растерянно озираться по сторонам. Народ в панике бросился врассыпную, образовалась нешуточная давка. Антон отскочил на опустевшее пространство, уворачиваясь от мечущихся людей, и увидел сквозь затянутый пороховой дымкой воздух, как Самурай подрубает ногой стойку широкого трехметрового прилавка. Телевизоры посыпались на асфальт, как кубики, треща пластиковыми корпусами и разлетаясь фонтанами осколков.

Вслед за этим раздался еще два взрыва – брошенные заранее гранаты разорвались ослепительными белыми хлопьями.

Антон зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что Самурай смотрит прямо на него и что-то кричит:

– Чего встал, как баран?! – разобрал он через мгновение. – Давай сюда!

Антон подскочил, выхватывая электродубинку, и успел ткнуть ею в живот здорового разъяренного торговца, который собирался обрушиться на Самурая сзади. Торговец дернулся, сгибаясь пополам, и отлетел на асфальт, под ноги бегущим людям.

Самурай рванулся вперед, к следующему прилавку и снова ударил. Еще один шестиэтажный «небоскреб» из телевизоров покачнулся и рухнул с грохотом и звоном. Впереди действовал Сержант. Он, как вертолет, махал своей дубинкой, разгоняя торговцев и освобождая пространство для наступающего следом Самурая. Антону же оставалось только прикрывать Самурая сзади. Тактика эта не была придумана заранее, она родилась прямо здесь, как простейший и единственно верный метод.

Под ногами трещали корпуса разлетевшихся видеокамер. Самурай особенно старательно уничтожал их, чтоб ни у кого не возникло мысли взять камеру и зафиксировать происходящее «для истории».

С каждым шагом Антону приходилось все труднее. Первый испуг у торговцев прошел, и теперь они с яростью бросились защищать свое добро. Антон, как никто другой из команды, понимал их. Он знал, что каждый удачный удар Самурая разоряет одного человека. Если что-то и оставалось относительно целым после его атак, то продать это по нормальной цене было делом безнадежным. Антон знал, что внешний вид товара – половина его стоимости. Да и мало что могло уцелеть – почти все телевизоры были оборудованы хрупкими хрустальными полусферами – распознавателями жестов, которые ломались от малейшей перегрузки...

...Антон уже не понимал, кого защищает – себя или Самурая. Пока его спасала только давка и высокая скорость движения: разъяренные продавцы не успевали как следует сорганизоваться. Махать дубинкой уже не оставалось сил. Антон все чаще просто нажимал на кнопку разрядника, со страхом думая, что емкость батарей не бесконечна.

В какой-то момент он не смог увернуться, и молодой парень с разбитым лицом крепко и больно схватил его за волосы, а кто-то еще дважды от души ударил – в скулу и в висок. У Антона закружилась голова, он выронил дубинку и сам едва не свалился на землю, но тут что-то сильно потянуло его в сторону, а потом – вверх. Ноги почему-то оторвались от земли, он начал перебирать ими, нащупал какую-то опору...

Когда Антон пришел в себя, он обнаружил, что уже сидит на заборе.

– Прыгай в кузов! – заорал прямо в лицо разгоряченный Самурай, отпуская его одежду.

Антон судорожно схватился руками за забор и глянул вниз. Свалка, из которой его выдернули, кипела прямо под ногами, но она уже стала казаться чем-то совсем неопасным, не имеющим к нему отношения. По другую сторону забора стоял небольшой автофургон с задраным тентом, из кузова Антона звал Сержант, что-то крича и размахивая руками. Рядом оседлал забор Обжора с двумя пистолетами в руках – он отгонял каучуковыми пулями торговцев, пытавшихся покуситься на свои обидчики.

– Прыгай за мной! – снова крикнул Самурай и сиганул прямо в кузов, ловко удержавшись на ногах.

Антон еще раз посмотрел за забор и собрался было прыгать, но вдруг увидел неподалеку небольшую, но плотную группу торговцев, похожую на кипящий котел. В центре этого котла моталась окровавленная голова Гоблина.

– Там Гоблин! – закричал Антон, показывая рукой.

– Что?!

– Гоблин!

– Черт с ним! Прыгай – и поехали.

– Его сейчас разорвут!

Самурай выговорил какое-то зверское ругательство и снова вскарабкался на забор, ловко достав пистолет.

– Где?

– Вон там...

– Дай свой пистолет и вали отсюда, не мешай.

Антон наконец перебрался в кузов и сел, привалившись к бортику.

– Жив? – спросил Сержант, бесцеремонно повертев его голову в руках и тронув пальцем набухающую шишку на виске.

Антон не ответил. Машина стояла в пустынном хозяйственном дворе, здесь были только однообразные боксы из листового железа и несколько ветхих тракторов. Из-за забора все еще доносился шум.

Рядом приземлился Обжора.

– Все, сейчас едем, – выпалил он. – Там уже охрана бежит...

Перед глазами Антона мелькнули тяжелые ботинки Самурая, грузовик содрогнулся, когда подошвы ударили о кузов. Следом перевалился едва живой Гоблин, а за ним прыгнул Печеный – гибкий и упругий, как кошка. Сержант стукнул кулаком по кабине и поднял тент. Машина рванула с места.

Оказавшись в полумраке, Антон утратил остатки сил и самообладания. На теле ноющей болью обозначились те места, которые он не смог уберечь от пинков и ударов. Сержант сидел рядом и пытался разжечь сигарету. В другом углу кузова над стонущим Гоблином склонились Печеный и Самурай. Они что-то с ним делали и беспрерывно ругались, приказывая ему не дергаться и не ныть.

Машина мчалась, не останавливаясь, как будто в городе не было ни светофоров, ни перекрестков. И чем больше она удалялась от растревоженного рынка, тем свободнее себя чувствовали все, кто сидел в фургоне.

– Да... – сказал Обжора. – Устроили мы ребятам... телешоу!

И засмеялся. Все остальные тоже вдруг начали смеяться – сильнее и сильнее, и Антон почувствовал прилив веселья и легкости, хотя ничего смешного, конечно, не было.

– А я... А я... – захлебывался Сержант. – Этот орет: только товар не трогай! А я его самого тронул, да так, что он в свою витрину улетел...

– А я там одному прилавок с видеокамерами разбросал! – подхватил хохочущий Печеный. – А он их сгреб в охапку, бежит за мной и в меня кидается! Камерами!

Антону тоже захотелось рассказать всем, как он ловко столкнул лбами двоих мощных торгашей, но он все же решил промолчать и послушать, как другие хвастаются своими «подвигами».

Когда все отсмеялись и успокоились, к Антону подсел Самурай.

– Что-то ты не очень сегодня напрягался, – тихо, чтоб никто не слышал, сказал он. – Специально, что ли, старался товар не попортить?

– Когда мне было товар портить? – возразил Антон. – Ты впереди шел, после тебя ничего целого не оставалось. А я, между прочим, напрягался будь здоров! Сам разве не видел?

Самурай промолчал, смерив Антона медленным, напряженным взглядом.

– Всем лихо было, – сказал он. – И все успевали громить прилавки. Кроме тебя. Я понимаю, что мы сегодня, может, хреновыми делами занимались и что тебе неохота своих же братьянов-торгашей долбить, но ты же с нами пошел! А если настоящее дело будет – тоже за другими спрячешься?

– Думаешь, я сегодня испугался?! – вскинулся Антон.

– Да нет... Просто добренький ты слишком. Учись бить по-настоящему! А то на тебя надежды никакой...

Самурай криво усмехнулся и отошел к Гоблину проверить бинты.

Антон почувствовал, что его оскорбили до самой глубины души. Только что он прикрывал Самурая спину, принимал на себя все удары и пинки, которые предназначались ему, и этот же самый Самурай обвиняет его в том, что «не очень напрягался»! После таких слов Антон засомневался, стоит ли теперь вообще верить ему и уважать его мнение.

Машина остановилась на узкой пустынной дороге за городом. Все высыпали из кузова размять ноги и глотнуть свежего воздуха.

Из кабины появился Сергеев, почесывая спину своей тросточкой, – оказалось, он сидел рядом с водителем.

– Генерал доволен, ребята, – сказал он, не выказывая, впрочем, никакой радости. – Он смотрел прямую телетрансляцию с рынка и видел все от начала и до конца. Я только что разговаривал по телефону с его референтом, и он говорит, что старик даже помолодел от удовольствия. Молодцы, одним словом...

- Ну так! – гордо воскликнул Сержант.
- Все целы?
- Практически, да, – ответил Самурай.
- Ну, тогда заедем на базу в медпункт, а потом на гулянку. Или хотите сначала отдохнуть?
- Какой еще отдых! – простонал Гоблин. – Сейчас заклеим шишки – и вперед, на новые подвиги!
- Как хотите, – усмехнулся Сергеев, садясь в машину.

* * *

В лагере их встречала только Анна. Она с любопытством посмотрела, как потрепанная, но бодрая команда выгружается из машины, и ушла куда-то. В медпункте уже ждал врач – высокий костистый мужик с простым грубоватым лицом. В первую очередь он занялся, конечно, Гоблином. У того был расквашен нос, рассечена кожа на голове и повреждена, несмотря на защитный панцирь, пара ребер. Врач посоветовал ему отлежаться, но Гоблин и слышать об этом не хотел. Глаза у него бегали, как у голодного хорька в предвкушении кормежки. Да и все остальные находились во власти какого-то сладкого предчувствия.

Антон дожидался своей очереди на улице, когда вновь увидел Анну. Она тоже заметила его, подошла и села рядом.

- Сильно досталось? – полюбопытствовала она.
- Не очень, – пожал плечами Антон. – Некоторым хуже.
- Ну-ка, дай посмотрю...

Антон повернул голову, и Анна осторожно потрогала ссадину на его виске. От ее мягких прикосновений у Антона мороз пошел по коже. Он замер и перестал дышать, чтобы не спугнуть эти волшебные секунды. Это было похоже на ласку матери. Впрочем, матери своей Антон не помнил, но представлял себе именно так.

– Больно? – тихо спросила Анна. – Крови много натекло. Хочешь, я принесу крем, чтобы размягчить корку?

- Не надо, врач все сделает, – ответил Антон. И добавил: – Спасибо, конечно.

Анна помолчала несколько секунд. Потом сказала:

- Ничего... Сейчас поедете долечиваться. К вечеру и не вспомнишь про свои болячки.

И что-то странное прозвучало в ее голосе – то ли горькая усмешка, то ли презрение. Антон так и не понял, что же она имела в виду, но отчетливо почувствовал подувший холодный ветерок.

Однако отъезд на «долечивание» почему-то задерживался. В ожидании транспорта пришлось пообедать, послоняться без дела по лагерю. После четырех к воротам наконец подъехал небольшой комфортабельный автобус. Все неторопливо загрузились, расселись в высокие кресла и принялись ждать Самурая, который, как всегда, где-то пропадал.

Наконец появился и Самурай. Он помахал перед глазами ребят желтым конвертом и прошел на заднее сиденье.

- Сколько дали? – спросил Печеный.
- Сейчас посмотрим, – буркнул Самурай и вытащил из конверта ворох новых банкнот.

Автобус тронулся и выехал на дорогу. Антон чувствовал себя неважно. Казалось, что сейчас Самурай снова подсядет и начнет укорять в мягкотелости и ненадежности. Или как-то обделит при распределении неизвестных, но ожидаемых благ.

Но Самурай, казалось, уже позабыл про утренний разговор. Вскоре он прошел вперед и сел лицом к салону. Антон рискнул посмотреть в его глаза и не увидел там никакого упрека в свой адрес.

– Ну что... Начальство, как всегда, пожадничало, – сказал Самурай. – Деньжат у нас мало-вато. Хватит, чтоб всем как следует напиться и спойть пару платных девчонок на вечер. Или, наоборот, спойть девчонок для каждого, а самим чуть принять для храбрости. Какие есть мнения?

– А как насчет много выпивки и бесплатные женщины для всех? – поинтересовался Сержант.

– Сегодня такое вряд ли получится. Едем в одно глухое придорожное заведение, на тридцать километров ни одного городишки, и приличные дамы – в смысле бесплатные – туда не заглядывают. Только «заплечные» – шоферские подружки.

– Посмотрим, – проворчал Сержант. – Бесплатные везде есть...

– Ну, что мы решим? – напомнил Самурай.

Никто не ответил. Антон смотрел в окно и видел в нем отражение шестиместного «ЛуАЗа», который следовал за их автобусом. Интересно, куда едут эти люди? Что за дела у них могут быть в каком-то другом городе? Антон так привык к однообразию своей новой жизни, что не представлял, может ли где-то в мире быть другая жизнь...

– Я думаю, после такого дела нужно мощно напиться, – сказал Печеный. – А затем разберемся с бабьем. Кто захочет, конечно...

– И кто сможет! – насмешливо добавил Обжора.

– Резонно, – согласился Гоблин. – Тем более что на одну подружку у нас деньги все равно остаются. А нам больше и не надо.

– Не с твоей-то разбитой рожей вообще о женщинах рассуждать, – заметил Самурай и посмотрел на Антона. – А ты как думаешь?

Антон несколько секунд помялся, потом сказал:

– Я с вами первый раз еду, ничего не знаю и посоветовать ничего дельного тоже не могу. Решайте без меня.

– Ладно. – Самурай сложил деньги пополам и сунул в карман. – Значит, берем много водки и не обращаем внимания на женщин. Пусть они сами на нас внимание обращают.

Шестиместный джип по-прежнему мчался позади автобуса. Все замолчали и смотрели в окна, думая о своем.

Антон размышлял, отчего их увозят так далеко. Наверно, чтобы избежать случайных встреч со знакомыми и других неприятных неожиданностей. Тех, кто находится вне закона, лучше держать подальше от шумных городов.

Ожидание закончилось остановкой возле небольшой чистенькой автозаправки в пустынном месте, посреди широкого поля. За офисом оператора пестрела вывеска придорожного ресторана, чуть дальше стояло несколько щитовых домиков – видимо, жилье для обслуживающего персонала. На стоянке красовались разрисованными боками несколько большегрузных автомобилей.

– Да-а, – вздохнул Обжора, выбираясь из автобуса. – В таком месте можно пить только от большой тоски.

– Скажи спасибо, что хоть сюда привезли, – проворчал Печеный. – После того, что мы устроили в прошлый раз на турбазе, нас вообще могли под замок посадить.

Порыв горячего ветра взметнул пыль и мелкий песок с дороги, заставив зажмурить глаза. Антон повернулся к ветру спиной и увидел, что «ЛуАЗ» остановился неподалеку. Из него уже выбрались четверо крупных плечистых мужчин, одетых как бизнесмены. Они направлялись к ресторану. Ветер трепал полы их дорожных пиджаков.

Место и в самом деле было тоскливое. Все поскущнели и разбрелись вокруг, ожидая, пока Самурай все выяснит и разведает. Мимо проносились машины, никто не останавливался. Под навесом дремал на ящиках рабочий бензоколонки в ярко-зеленом комбинезоне.

Антон послушал, как Сержант спорит с Гоблином насчет каких-то боксеров, ему стало скучно, и он отошел, присев на корточки возле колеса автобуса.

Потом появился Самурай.

– Я все узнал, – с ходу сказал он, сразу заразив всех своей энергией и бодростью. – Это место шофера называют «пьяные домики». Вон те будочки сдаются на ночь. Водка здесь недорогая. Иногда приезжают практикантки с текстильной фабрики и устраивают гулянки. Но сегодня вряд ли – середина недели. Может, кто-то подъедет ближе к вечеру.

– Скучно, – сморщился Сержант.

– Что заслужили – то и получили. Ничего. Выпьем по стаканчику, глядишь, и развеселимся. Ну, пошли.

Зал ресторана был полупустой и темный. Даже подсветка стойки бара не включена. Здесь сидели всего несколько человек: те самые бизнесмены из «ЛуАЗа» и еще двое каких-то людей, судя по всему, шоферов, остановившихся перекусить.

Обжора и Печеный сдвинули вместе два стола, и все расселись, неуверенно поглядывая по сторонам.

Похоже было, что Самурай не только все узнал, но уже и договорился: зевающий, неопрятно одетый официант-бармен сразу стал ставить на стол бутылки и тарелки с холодной закуской.

Сержант протянул бутылку Самураю.

– Разливай, командир.

Тот распределил по стаканчикам приправленную ароматизаторами водку и кивнул, объявляя начало застолья:

– За удачу. За то, что и сегодня все обошлось и мы остались живыми и здоровыми.

– Ну, насчет здоровья можно поспорить, – проворчал Гоблин, поднося стакан к губам.

Антон обратил внимание, как он пил. Гоблин держал свою посудину бережно, почти благоговейно, с таким видом, будто ему выпала величайшая честь и удовольствие. Проглотив водку, он прикрыл на мгновение глаза и медленно выдохнул.

– Наливай сразу еще, – потребовал Сержант.

– Теперь, наверно, надо выпить за... – начал было Обжора, поднимая стакан. Но Сержант перебил его:

– Теперь – за боевое крещение, – сказал он, хлопнув Антона по плечу. – Я видел сегодня, как этот парень махался, и хочу сказать, что он молодец. Наш человек.

– Да, Антоха махался хорошо, – кивнул Самурай. – Сколько раз он сегодня мне макушку прикрыл – я и со счета сбился. Да и Гоблина спас. Гоблин, ты ведь и не знаешь, что это он заметил, как тебя убивали.

Антон, опустив глаза, замер, не зная, что сказать. Меньше всего он сейчас ожидал таких слов от Самурая. Нечего и думать, Самурай вел себя честно. Знает, когда поругать, но и хорошее замечает.

И все же Антон не испытывал ни гордости, ни радости. Ему казалось, что это какая-то ошибка, что нелепо сравнивать его с этими сильными, умелыми и отважными ребятами. Кто он сам – тихий домашний обитатель, который занимается спортом для удовольствия, а побеждает только виртуальных противников...

После второй дозы спиртного тело наполнилось приятной расслабленностью, а уши и щеки начали гореть. Антон поковырял немного заливное мясо – довольно аппетитное на вид, но безвкусное – и, откинувшись на спинку стула, сложил на груди руки. Ему было хорошо. Не существовало никаких забот и проблем, все волнующие вопросы устранились, уступив место покою, отдыху и радости от жизни в реальном времени.

– А ты еще и пьешь, оказывается, – сказал Печеный, искоса взглянув на Антона.

– А что? – усмехнулся тот.

– Я думал, вы, кибернетики, совсем не пьете.

– Это почему же?

– Да так... Знаю одного – он и не пьет, и не курит, и не гуляет. Да и не ест почти, кажется. Только сидит перед своими экранами. Я думаю, он чокнутый.

– Таких много, – присоединился Обжора.

– Не понимаю, что в этих железках интересного?

– Это потому, что ты не пробовал, – пожал плечами Антон.

– Да уж напробовався. На занятиях.

– Может, и напробовався, но ничему не научился. Если б ты попытался сам понять хоть немного, то дальше тебя уже не смогли бы оторвать от этих «железкок».

– Больно надо...

– Не сомневайся, это доказано наукой. У нас в институте был факультатив по защите психики от компьютерной зависимости. Там говорили, что компьютеры – самый легкий способ создать свой мир и сделать его таким, каким ты хочешь. Стоит только один раз уйти в этот мир, и тебе не захочется жить в настоящем. Потому что там ты можешь быть кем угодно и каким угодно. Уже сколько народу из-за этого в дурдоме перебивало...

– То-то и оно. Поэтому лучше и не пробовать.

– Но я-то попробовал, – возразил Антон. – И ничего страшного. Просто нужно уметь остановиться.

– Кибернетик, – усмехнулся Печеный. – Наливайте еще.

Незаметно пришел вечер. В зале прибавилось людей, правда, это были в основном все те же шоферы-дальнобойщики. Бизнесмены, похоже, никуда не собирались уезжать, они сидели и пили что-то из маленьких металлических рюмочек.

В ресторане стало уютнее. Хозяева включили тусклое освещение, из невидимых динамиков начала звучать тихая музыка. Антон сидел, совершенно расслабившись, и болтал вместе с другими о всяких пустяках. Только Сержант никак не мог успокоиться. Он беспокойно вертелся, чересчур часто поглядывал на вход и иногда шептался о чем-то с Самураем. Похоже, ему не давал покоя женский вопрос.

Антон заметил, что Печеный высыпал из короба на стол спички и раскладывает из них какие-то фигуры. Его удивило, что спички были какие-то слишком толстые и все до единой оказались остро заточены.

– Зубочисток себе наделал, что ли? – поинтересовался он.

Все за столом как-то странно, с усмешками переглянулись.

– Ага, – кивнул Печеный. – Зубочисток.

Антону стало жутко интересно, что на самом деле означают эти спички, но он постеснялся выказывать несолидное любопытство.

Вдруг у Сержанта загорелись глаза. Он чуть-чуть приподнялся и едва не полез через стол. Все обернулись и увидели, что в ресторан заходят две дамы. Похоже, это были мать с дочерью – младшей на вид казалось лет четырнадцать. И по одежде, и по манере держаться они походили на состоятельных людей, и было даже странно видеть их в шоферской забегаловке.

– Так-так-так... – проговорил Сержант. – Вот мы и дождались.

– А я бы с той маленькой поиграл в дочку-матери, – сказал Печеный.

Все проявляли преувеличенное любопытство, и только Гоблин хмурился и с досадой трогал свои ссадины и шишки на лице.

– Не, – покачал головой Самурай. – Не тот сорт. Такие, как мы, их не интересуют. Сейчас наверняка подойдет их толстопузый папочка, который закрывает машину.

– Жду пять минут, – сказал Сержант. – Если папочка не появится, тогда сам их удочерю.

– И малолетку эту... тоже?... – скривился Обжора.

– Посмотрим. Сейчас такие малолетки, что...

Сержант окончательно потерял душевное спокойствие. Он ерзал на месте и раздувал ноздри, как конь, рвущийся из упряжи.

– Давайте-ка сначала выпьем, – испуганно предложил Гоблин.

– Ну... Папочка не появился. Я пошел... – сообщил Сержант, выдержав минуты три. – Дайте чуть-чуть денег.

Антон смотрел, как Сержант подходит к столику и садится рядом, как улыбается, начинает о чем-то говорить... О чем?! Сам Антон никогда не подошел бы вот так к незнакомой женщине, да еще и с дочерью, которая слушает и все понимает.

– Младшая ему в дочери годится, – ядовито сказал Гоблин. – А старшая – в матери. Интересно, кого из них он уболтает?

– Слушай, – Печеный вновь обратился к Антону. – А ты в компьютерах действительно здорово сечешь или так?..

– Нормально секу, – ответил Антон.

– Может, ты знаешь, как по телефону деньги скачивать? Ну, я имею в виду чужие, конечно.

– В принципе знаю. Но сейчас любой банк больше половины прибыли тратит на безопасность. Можно и пароль подобрать, и защиту раскурочить, да только очень все это дорого. Невыгодно электронные деньги воровать. Дешевле будет просто сломать в банке стенку.

– Так за сломанную стенку срок получишь, – задумчиво сказал Печеный. – А по телефону – раз-два, и готово. И сиди себе дальше, кефир пей.

– Ничего подобного! – возразил Антон. – Чтобы войти в коммерческую сеть, нужно минимум тридцать человек с мощными сетевыми терминалами в разных адресах. Проникновение должно занять пять-семь минут, а иначе засекут и вышлют оперотряд. А сажают за электронный взлом сейчас еще злее, чем за обыкновенный.

– Но ведь воруют же люди!

– Воруют только сами сотрудники банков. Да и то по мелочам: счета округляют, проценты занижают и тому подобное. В месяц рублей сто пятьдесят можно на этом сделать. А если больше – заметят.

– Кибернетик, – вздохнул Печеный.

Неожиданно вернулся Сержант, еще более взвинченный, чем раньше.

– Ребята, дайте бутылку, быстро, – горячо прошептал он. – Баба – зверь! Уже начала косеть. Едут с дочкой навещать папу в санаторий. На ночь здесь остаются.

– Про нас не забудь, – строго указал Самурай, протягивая бутылку.

– Всем хватит, – деловито пообещал Сержант, уже удаляясь.

Антон посмотрел ему вслед. Женщина протянула что-то дочери, кажется, ключи, и та пошла к выходу.

– Так... Дочку уже отправила, – прокомментировал Обжора. – Правильно, нечего слушать взрослые разговоры.

Женщина была красива, хотя и в возрасте. У нее сохранилась гордая изящная фигура и молодой блеск глаз. Она выглядела аристократично. Антон не мог ума приложить, о чем с ней может столько времени разговаривать грубоватый и малообразованный Сержант. И как он смог убедить ее пить с ним водку?!

Сначала она выглядела хмурой и встревоженной. Ей явно не нравилось, что Сержант навязывает ей свою компанию. А потом Антон с ужасом заметил, что она начинает понемногу улыбаться и даже кокетничать. Ее глаза потемнели и стали еще больше блестеть – она уже довольно сильно опьянела.

– Пока дождешься Сержанта... – сказал вдруг Обжора, потягиваясь. – Пойти, что ли, самому о себе позаботиться?

– Куда ты собираешься пойти? – спросил Самурай.

– А вон, смотри, еще две тетki сидят. Малолетки, правда, но...

– Так это же «заплечные», шоферские бляди, – брезгливо заметил Самурай, скосив глаза на соседний столик. – Да еще и с мужиками.

Антон тоже посмотрел и увидел двух пузатых шоферов в кожаных жилетах, которые угощали ужином и спиртным двух девчонок, очень юных, но уже потасканных и довольно неряшливо одетых.

– Ну и пусть, так даже интереснее! – как-то нехорошо улыбнулся Обжора. – Что мы, мужиков этих не укоротим? Пойдешь?

– Неохота, устал сегодня.

– Я пойду, – сказал Гоблин.

– Еще хочешь по мозгам получить? Ну, пойдем, коли не боишься...

Антон удивленно проследил, как они подошли к другому столу и сели, нисколько не смущаясь. Обжора тут же сгреб чужие стаканы и налил себе и Гоблину из бутылки, вытащив ее прямо из-под носа ошарашенного шофера.

– Зачем они это делают?

– Приключений хотят, – сказал Самурай. – Не волнуйся, сейчас они помесят немножко тех ребят и вернутся пить водку. Может, и девчонок трофейных приведут.

– Но зачем?

– У Обжоры к шоферам аллергия, – пояснил Печеный. – Когда он еще совсем сопливым был, вот такой же пузатый водила на грузовике задавил его отца. Он с тех пор всегда так развлекается, если есть возможность.

– Но...

– Не вздумай лезть заступаться! Не тот случай.

Антон посмотрел в другую сторону и обнаружил, что Сержант с красивой женщиной куда-то исчезли. Он вздохнул и принялся слушать, как Самурай и Печеный обсуждают какую-то новую автоматическую кобуру. Через какое-то время Антон почувствовал, что его начало немного тошнить от выпитого. Взяв у бармена чашку кофе и радионаушник, он пересел на диван к телевизору.

Эйфория уже прошла, избыточная выпивка подарила свои горькие плоды, и мир стал неинтересен. Теперь хотелось только поскорее вернуться в свой домик на базе и уснуть.

За спиной раздался какой-то шум. Антон обернулся и увидел, что Обжора и Гоблин уже сцепились с шоферами и довольно успешно теснят их к выходу. Двигались они быстро и мощно, но аккуратно, не ломая мебели и, в общем-то, никому из посетителей не причиняя физических неудобств. Антон отвернулся и еще некоторое время пребывал в полусонном состоянии, бездумно глядя в телевизор.

Потом его тронули за плечо.

– Ну, где ты пропадаешь? – сказал бодрый и веселый Сержант. – Пропустишь самое интересное. Пойдем, там тебя наша принцесса ждалась.

Антон, мало что понимая, пошел за Сержантом. Тот вывел его на улицу, проводил к одному из «пьяных домиков» и хлопнул по плечу.

– Вот в эту дверь. Действуй по обстановке. Не осрами честь ЭКОПОЛа.

Антон прошел через темный деревянный тамбур и оказался в комнате, освещенной одним лишь ночником.

На неряшливо разложенной кровати лежала раздетая женщина, едва лишь прикрытая измятой простыней. Та самая красавица аристократка.

Антон смотрел и думал про ее дочь, про мужа, к которому они ехали. Ему вспомнились слова Анны, сказанные на прощание. Все стало ясно – и ее насмешка, и брезгливость. Она знала, куда и зачем собирается команда, и презирала это. Антону вдруг стало нестерпимо

стыдно, что Анна, которую он считал воплощением женственности, чистоты и обаяния, заранее представляла себе все эти мерзости.

«А ну и черт с тобой, – зло подумал Антон. – Таскай к себе Сергеева, а я буду заниматься, чем хочу. Сами виноваты, что довели меня до такого...»

Несмотря ни на что, его влекло к лежащему перед ним телу. Женщина спала и была совсем доступна. Она даже не увидит его и не запомнит лица. Стоит только подойти...

Антон сделал шаг вперед. Потом еще. С каждым шагом становилось все легче, инстинкты захлестывали его все сильнее, изгоняя стыдливость. Сердце стучало, предвкушая соблазнительную низость...

И вдруг женщина открыла глаза. Она сдвинула ногой влажную мятую простыню и приподняла голову.

– О-ох... – пьяно простонала она. – И ты еще...

Антон резко развернулся и вылетел на улицу, захлопнув за собой дверь. Ему хотелось убежать, спрятаться или даже изменить внешность. Женщина посмотрела на него, она видела его лицо, знала, зачем он пришел! Это было настолько отвратительно, что Антон трясся, как маленький мальчик, которого застали за подглядыванием в женской бане.

Прежде чем вернуться в ресторан, он постоял немного, прислонившись к стене и глядя на звезды. Прохладный ночной воздух возвращал силы и ясность мысли. Антон немного успокоился.

«А может, вернуться, чтоб потом не жалеть?» – подумал он. Но едва лишь вспомнил эту полутемную комнату, запах пота и пьяное мычание женщины, как все желания ушли сами собой. Он открыл дверь ресторана.

Все уже собрались вместе. Гоблин и Обжора сидели очень довольные и наперебой обсуждали подробности своего «знакомства» с шоферами в кожаных жилетах. Самих же шоферов в зале не было.

Антон подошел и сел рядом.

– Так быстро?! – воскликнул Сержант.

– А что ж ты хочешь! – ухмыльнулся Печеный. – Человек столько времени живой бабы не видел. Сейчас пропустит еще рюмочку и по второму разу побежит.

– Никаких вторых разов! – запротестовал Гоблин. – Теперь наша очередь. Зря мы, что ли, с Обжорой кровь проливали?

– А что ж вы дурью маялись, пока мы тут за вас отдувались, супружеский долг исполнили? – захохотал Сержант.

– Ничего не знаю, я пошел, – сказал Гоблин, вскочил и засеменил к выходу.

Он едва лишь открыл дверь, как вдруг раздался какой-то страшный стук, и Гоблин отлетел обратно, рухнув на пол. Он так и остался лежать, а в дверях показались те самые пузатые шофера. Но теперь их было не двое, а пятеро, а в руках они держали какие-то черные палки – то ли резиновые дубинки, то ли монтировки.

На мгновение все оцепенели, а затем повскакивали из-за стола. Антон тоже поднялся, понимая, что именно сейчас начнутся настоящие неприятности. Шоферы ринулись на врагов, не обращая внимание на трещащую под ногами мебель и крики посетителей. Самурай, не теряясь, выскочил вперед всех и шарахнул в голову одному из нападающих попавшийся под руку стул. Тут же завязалось побоище – какое-то молчаливое, бешеное и быстрое. Все получилось само собой: Антон не успел даже решить, как себя вести, а ему уже пришлось от кого-то отбиваться, уворачиваться от свистящей в воздухе палки, отпрыгивать, пятиться... Он не хотел никого бить или увечить, но нужно было как-то остановить этого человека, отобрать у него оружие, успокоить.

Поэтому Антон постарался отбросить на время свою гуманность, схватил со столика бутылку и швырнул ее в голову свирепо сопящего шофера. Тот увернулся – доли секунды

хватило, чтобы выйти на нужную позицию и остановить его полновесным ударом под ребра. Дубинка сама выпала из рук противника. Антон хотел добить его, ударив ребром ладони в шею, но в последний момент пожалел...

В поле зрения появилось покрасневшее лицо Самурая.

– Уходим! – крикнул он. – Там милиция...

Антон обернулся. Возле входа несколько офицеров дорожно-патрульной службы уверенно и очень профессионально рассекали враждующие стороны. Никто им особенно и не сопротивлялся – у всех хватало ума не драться с милицией.

Антон двинулся прямо за Самураем, видя только его спину. Самурай выбрал кратчайший путь: бросил стул в окно и выскочил наружу, не обращая внимания на оскалившиеся стекла.

На улице навалилась неестественная и непривычная тишина. Они быстро пробежали к автобусу, прячась за заполнившими стоянку машинами, и влезли в салон. Водитель, очнувшись от дремы, полез за сигаретами.

– Едем, что ли?

– Сейчас, – сказал Самурай, с тревогой глядя на вход в ресторан. – Остальных надо подождать.

Откуда-то появились Печеный с Гоблином. Оба тяжело дышали и тихо переругивались. Гоблин сразу скорчился в кресле, обхватив себя руками, и застонал:

– Бедная моя голова...

– Обжору и Сержанта прихватили менты, – хмуро сообщил Печеный. – Будем ждать?

Антон повернулся к окну. Из ярко освещенных дверей ресторана выбирались потревоженные посетители. Через некоторое время на крыльце показался командир милицейского патруля. Вместе с ним были двое каких-то людей в штатском. Антон напряг зрение: да это же те самые «бизнесмены» из джипа, про которых он уже успел забыть. Они постояли несколько минут, поговорили с офицером. Патрульный махнул рукой и направился к своей машине, стоявшей неподалеку и озарявшей окрестности включенной мигалкой.

Через несколько минут из дверей вышли Обжора и Сержант, не спеша пересекли площадь автостоянки и ввалились в автобус.

– Ну что, повеселились? – беззлобно спросил Печеный. – Дети малые.

– Ничего, нормально погуляли! – оптимистично заявил Обжора. – Вот только Гоблину опять по кепке досталось. Вечно ему достается – судьба такая...

– Ничего не досталось, – пробурчал Гоблин. – Задели один раз... Зато я этому усатому все брюхо отмолотил, ему теперь ни один хирург кишки не развяжет.

Автобус тронулся и, быстро набирая скорость, помчался по шоссе. Кто-то открыл окно, и в салон ворвался свежий воздух.

– Почему вас отпустили? – решился спросить Антон у Обжоры.

– Потому что кишка у них для меня тонковата! – заявил Обжора. – Я все, что угодно могу делать, а они мне – только пальчиком грозить.

– Ладно, не выпендривайся, – осадил Сержант. И повернулся к Антону: – Просто нас никуда не выпустят без прикрытия. Оно следит, чтобы нас никто не обидел. И чтоб мы слишком сильно никого не обидели. Они всегда рядом, просто их не всегда видно. Знай на всякий случай.

– Те ребята в пиджаках – и есть прикрытие?

– И не просто прикрытие, а самое лучшее – экополовское! – добавил Обжора. – Они отмажут от любой истории.

– Не от любой, – сухо поправил его Самурай.

– Ну, это понятно. Если я, к примеру, расстреляю школьный автобус на улице, то меня уже никто не отмажет. Но в общем...

Антон прикрыл глаза. Он думал: какие жуткие вещи происходят рядом. А ведь совсем недавно он ничего не знал об этом.

Над горизонтом уже светлело небо. Все вымотались и быстро задремали, убаюканные дорожной качкой и мягким гулом двигателя. Один лишь водитель не позволял себе опустить отяжелевшие веки. Он держал руль, смотрел на летящую под колеса дорогу и думал о чем-то своем.

* * *

...Удар пришелся как раз по суставу. Он был таким резким и болезненным, что Антон схватился за поврежденную руку и согнулся в три погибели, стиснув зубы и выпучив глаза. Про вылетевший из руки нож он даже и не вспомнил.

– Ну вот опять, – спокойно сказал инструктор. – Опять та же ошибка. Для чего ты выставил перед собой нож? Ты ведь не собирался меня ударить. Ах, ты хотел защититься! Но я же много раз говорил: нож – это оружие, а не щит и не бронежилет. Ножом нужно бить. Не махать, не крутить, а бить.

Антон успокоил наконец руку и поднял нож.

– Я еще попробую, – хмуро сказал он.

– Конечно. Давай...

Антон встал в исходную позицию, сделал несколько порывистых обманных шагов в стороны, затем отшатнулся, заманивая инструктора на себя, и снова рванулся, выбрасывая вперед стальное жало. И в то же мгновение понял, что падает, споткнувшись о колено инструктора. В панике он замахнулся ножом, надеясь куда-нибудь да попасть, однако инструктор легко ушел в сторону, предоставив Антону возможность благополучно свалиться на пол.

Антон сгруппировался и откатился в сторону, чтобы не попасть под ноги противника, которые могли молотить не хуже лошадиных копыт. Вставать не хотелось. Но он все же встал и повторил атаку, дополнив ее ударом ногой с разворота. Поступок был довольно самонадеянным. Инструктор лишь слегка отстранился от просвистевшего в воздухе каблука, легко поймал Антона за руку, провернул его еще раз, чтобы лишить равновесия, заломил кисть – и нож выпал сам собой.

Антон молча встал, отряхнулся и вздохнул, глядя в сторону. Он уже давно перестал утешать себя тем, что опытного инструктора в любом случае невозможно победить. Дело было в другом: Антон действительно не умел как следует драться. И мастерство прибавлялось катастрофически медленно.

– Ты сам-то понимаешь свою ошибку? – невозмутимо проговорил инструктор. – Получается, что, когда ты берешь нож, он становится твоим хозяином. А должно быть наоборот. Зря ты думаешь, что холодное оружие делает тебя сильнее. Нет, оно не прибавляет ни силы, ни мастерства. Просто твоя рука становится немного опаснее. Нож – продолжение твоей руки. Его нужно беречь, не показывать раньше времени, не давать противнику возможности выбить или завладеть им. Ножом не защищаются, не пугают – им бьют! Ты хорошо меня понял? Только бьют, а не режут и не колют. Так же, как бьют кулаком. Ты ведь не выставляешь впереди себя кулак, не пытаешься напугать им противника? Точно так же ты не должен замыкаться на оружии. Тогда оно будет помогать, а не мешать тебе.

– Я хочу попробовать еще раз.

– Еще успеешь. Отдохни пока и послушай меня. Я не смогу научить тебя ничему новому – для этого нет времени, да и возраст у тебя не тот, чтобы начинать. Я только покажу, как эффективнее пользоваться тем, что у тебя есть.

– А что у меня есть?! – в отчаянии проговорил Антон.

– У тебя есть реакция. Есть чувство собственного тела и равновесия. При желании из этих способностей можно развить что-то дельное даже за короткий срок. Я запомнил: по какой методике ты занимался раньше?

– Школа «Соколиная охота». Но это было давно, еще в армии.

– «Соколиная охота»... – инструктор с сомнением поморщился. – Это, кажется, какая-то синтетическая методика, из новых... Ничего хорошего.

– У нас в армии все очень ценили этот стиль, – заявил несколько обиженный Антон.

– Ну еще бы! У вас в войсках электронной защиты просто не было возможности опробовать его на практике и убедиться, что вы ничего толком не можете.

– Но ведь в эту методику вошли лучшие элементы японских и корейских стилей... – Антон применил последний аргумент.

Инструктор иронично улыбнулся.

– Как ты думаешь, получится что-то хорошее, если объединить в одном изделии лучшие детали автомобиля, холодильника и швейной машинки? То же самое и с боевым искусством. Все эти синтетические стили страдают одним непоправимым недостатком – в них нет целостности и системы. Это касается и самбо, и так называемого современного русского стиля, и твоей «охоты».

– Но в армии мне говорили...

– В армии тебя учили не драться. Там учат просто быть уверенным в себе. Зачем тратить огромные силы на тренировку бойца, если в современной войне практически исключены рукопашные схватки? Гораздо проще позаниматься с тобой акробатикой, показать несколько красивых телодвижений – и вот ты уже чувствуешь себя суперменом. Это просто психологический прием, иллюзия.

Антон хотел еще что-то сказать, но инструктор остановил его коротким, быстрым жестом.

– Все, с теорией покончим, продолжаем тренировку.

Антон перевел дыхание, поднял с пола нож.

– Пробуй выпады на средней дистанции, – подсказал инструктор.

Антон отвел правую руку с ножом немного назад, а левую, расслабленную, поставил перед грудью, чтобы отражать удары.

– Поставь ноги правильно – упор на ту, что сзади.

Стойка вдруг показалась Антону напряженной и неестественной, но он знал, что это от усталости. Попрыгав немного на месте, чтоб утвердить линию равновесия, он двинулся вперед, имитируя легкие удары ногой в голень и нижнюю часть корпуса. Инструктор слабо реагировал на обманные движения – он был достаточно опытен, чтобы предсказывать истинные намерения противника. И когда Антон решился на окончательный удар ножом в шею, его уже ждала ловушка. Скрещенные ладони инструктора мягко оплели атакующую руку, повели вниз, и через секунду Антон, сам не зная как, оказался заблокирован со всех сторон замысловатым замком. Он попытался вырваться, но инструктор чуть увеличил усилие и суставы хрустнули. Антон снова рванулся, однако сделал себе еще больнее.

– Вначале ты действовал правильно, – сказал инструктор, не отпуская его из захвата, – а потом все испортил. Ты бросаешься в атаку, как в пропасть, не оставляя пути для отступления. Действуй аккуратнее, мягче, умнее... И вот теперь – зачем ты пытаешься вырваться? Ты же видишь, я держу надежно и силой тут ничего не добьешься.

Антон поворочался еще немного и убедился, что инструктор совершенно прав.

– Будь умнее. Что делает ива, когда на ней скапливается шапка тяжелого снега? Разве она сопротивляется? Нет, она гнется – и сбрасывает снег. Думай, как избавиться от меня. Это не так сложно.

Антон расслабился и попытался почувствовать свое тело. Он сразу обнаружил, что локтем левой руки можно немного пошевелить, что плечо прижато лишь сбоку, но не блокиро-

вано... Он собрался с силами, расслабился, выдохнул воздух – и вывернулся из захвата, как шуруп.

– Ну вот! – инструктор добродушно усмехнулся. – Советую только соображать побыстрее. Ведь если ива начнет сопротивляться снегу – она сломается.

– У меня получается хоть что-то? – спросил Антон, тяжело дыша.

– Работай, старайся... – пожал плечами инструктор. – Учти, сегодня я тебе немного поддался.

Он кивнул, прощаясь, и вышел.

До ужина оставалось около часа. Антон посидел немного на скамейке, восстанавливая силы, затем поплелся в душ. Раздевшись, встал перед зеркалом. Ему показалось, что тело уже начало меняться. Оно выглядело более прямым и угловатым, чем раньше. Мышцы особенно не увеличились, но стали тверже и как-то ровнее. Изменения казались совсем мизерными. Но Антон знал, каким трудом они достаются. Поэтому он даже немного погордился собой.

Солнце уже спряталось за деревья, но на улице пока было светло. Антон свернул на дорожку и вдруг лицом к лицу столкнулся с Сергеевым. Тот кивнул, пробормотал что-то и быстро прошел мимо. Сергеев выглядел расстроенным, его лицо казалось серым и постаревшим. Антон пошел дальше, пытаясь сообразить, что это означает. А пройдя сотню шагов, увидел Анну. Если Сергеев выглядел просто расстроенным, то Анна, похоже, была едва ли не в истерике. Она почти бежала куда-то, не замечая ничего вокруг, вжав голову в плечи и прикрыв ладонями лицо.

Антон даже остановился, чтобы посмотреть ей вслед. Ему и в голову не пришло в этот момент подойти, спросить, успокоить – людей в таком состоянии лучше не раздражать утешениями.

Неожиданно его хлопнули по плечу. Это был Гоблин.

– Видал? – сказал он, скривив рот. – Семейная сцена. Я слышал, как они брехали, такой шум стоял, как в курятнике. Вот тебе и вся любовь.

– Кто брехался? – не сообразил Антон. – Они поссорились с Сергеевым?

– Ну да! – Гоблин ухмыльнулся и хрюкнул: – Давай теперь Анке на Восьмое марта резиновый член подарим, а?

Антон невольно развернулся на Гоблина всем телом и смерил его ненавидящим взглядом.

– А ты чего радуешься?! – выпалил он. – Думаешь, теперь она тебя, корявого, к себе пускать будет?

Он повернулся и пошел в свой домик. Проходя мимо жилища Анны, Антон немного замедлил шаг, будто надеялся найти какие-то следы недавней ссоры. Но тут ему стало стыдно за свой неуместный интерес к чужой жизни, и он собрался идти дальше.

Собрался... но не пошел.

Таинственная дверь была открыта. Из проема выбивался сноп довольно яркого света.

Антон медленно и опасливо приблизился. Из-за двери не доносилось никаких звуков. Он увидел крошечную комнату, в которую вмещался только широкий стол и крутящееся кресло. Однако не стол заинтересовал Антона, а то, что было на нем. Он мигом позабыл про свою робость и стеснительность. На столе стоял мощный сетевой терминал «Континент». Включенный! По горящему в углу экрана красному индексу Антон понял – терминал подключен к сети!

Ноги сами перевели его через порог. Он сел в кресло, привычно придвинул клавиатуру. Проверил уровень погружения в сеть – четыре единицы! Раньше, чтоб пройти четыре уровня защиты, ему иногда приходилось тратить по месяцу...

На экране был какой-то малоинтересный текст. Антон, не вчитываясь, закрыл активное окно, поместив значок в самое видное место – чтоб в случае необходимости быстро вернуться. Затем вышел в корневой каталог. Пробежался взглядом по названиям и легко понял, что здесь

в основном были программы статистического анализа или поиска по ключевым понятиям. Все это было хорошо знакомо и поэтому неинтересно. Однако Антон понимал, что одни лишь простые и доступные программы никто не стал бы прятать в сеть аж на четыре очка. Где-то должны быть либо закрытые данные, либо дорогие сверхмощные программы, которые по карману только государственным спецслужбам.

От чувства близости к сокровенным тайнам ЭКОПОЛа у него вспотели ладони. Он начал торопливо заглядывать в разделы, но ничего интересного для себя пока не находил. Поэтому, слегка разочаровавшись, он переключился на другой сервер. И нашел там раздел «ТЕКСТЫ».

По своему опыту Антон знал, что хранящиеся в памяти тексты могут иногда дать наиболее полное представление о содержании всего сервера и даже о личности его хозяина или пользователя. Раньше, проникая в чужую сеть – с разрешения хозяина или без такового, – он почти всегда начинал знакомство с «ТЕКСТОВ». И на этот раз он решил применить свой метод.

Раздел содержал несколько каталогов: отчеты, бланки, списки, адреса, переписку, рапорта, переводы и так далее, в том числе несколько малопонятных аббревиатур, напоминающих сокращенные названия каких-то учреждений.

Антон открыл каталог «Сводка» и просмотрел первый попавшийся файл. Он увидел список всех мало-мальски значительных событий в стране, касающихся компетенции Экономической полиции. Список охватывал лишь один день, но читался, как детектив: здесь были и хищения по подложным документам, и разоблачение лабораторий по производству фальшивых кредитных карт, и конфискации партий товаров с поддельными торговыми марками, и незаконное использование файл-документов и электронных подписей, и даже взятки. Антон подумал, что он за приличные деньги мог бы предложить эту сводку любой телередакции. Из каждого такого сообщения можно сделать если не сенсацию, то как минимум интересный репортаж. Тем более что ЭКОПОЛ крайне редко делился своими сообщениями с прессой. Никто не хотел на свою голову лишних неприятностей: Экономическая полиция и без того прочно держала первое место по разжиганию скандалов.

Впрочем, чтение сводки Антону быстро надоело – собранные в кучу скандалы теряли свою притягательность. Он вышел из каталога и попробовал просмотреть «Переписку».

И тут наткнулся уже на настоящую сенсацию.

Он едва не прошел мимо этого небольшого фрагмента текста, но зрение где-то на подсознательном уровне зацепилось за знакомое сочетание букв – Евгений Моисеев. Антон несколько секунд тупо смотрел в экран, хмурясь и вспоминая, где он мог слышать это имя. Наконец память подсказала, что Моисеев – главный инженер «Мосэлектроники», третье лицо на фирме после самого Мельникова. Более того, Моисеев был одним из тех немногих избранных, кто допускаясь в святая святых – лабораторию по выращиванию биокристаллов для «Хризолитов».

Антон даже задержал дыхание от приступа неудержимого любопытства. Ему было особенно интересно все, что касалось производства «Хризолитов». И вот судьба подарила ему шанс узнать нечто такое, что доверялось далеко не каждому.

Он придвинулся поближе к экрану и начал читать.

«...Состояние здоровья Е. Моисеева по-прежнему вызывает опасения. В настоящее время жизнедеятельность мозга поддерживается лишь благодаря усиленному использованию электронного нейростимулятора. Ожидаемого улучшения не произошло – Моисеев приходит в сознание лишь на короткое время, появились ложные фантомные головные боли, наблюдается омертвление поврежденных участков мозга. Внутренний консилиум отвергает предположение, что это прямые последствия черепно-мозговой травмы, полученной в автокатастрофе. По мнению врачей, деструктивные изменения в мозгу вызваны либо особенностями организма пациента, либо внешними воздействиями неясного характера...»

Антон перестал читать. Ему стало страшно. Эта информация предназначалась явно не для людей его уровня. За такие сведения можно получить состояние, либо лишиться жизни. Если кто-то узнает, что главный инженер «Мосэлектроники» лежит чуть ли не при смерти, на международном и внутреннем рынках начнется такая круговерть, что не один десяток фирм пойдет прахом, не одна сотня контрактов превратится в пустые бумажки. Потому что главный инженер – это не просто исполнитель приказов начальника. Это носитель важной технологической информации, которая не доверена больше никому. Попробуй пусти слух, что у фирмы больше нет главного инженера, – никакой маклер не станет с ней связываться. Время не такое, чтоб рисковать...

Антон поспешно закрыл файл, вернулся в исходный текст, с которого начал свои изыскания в сети. Ему вдруг пришло в голову, что он слишком увлекся и в эту комнату давным-давно мог кто-нибудь зайти. Он отодвинул клавиатуру и торопливо – уже почти панически – вылез из кресла...

– Ты слишком любопытный.

Антон почувствовал, как кожа покрывается мурашками. В дверях стояла Анна. Она уже выглядела почти спокойной, хотя глаза все еще были красными, а из глубины груди вырывались редкие, почти неслышные нервные всхлипы.

– Слишком любопытный, – повторила она. – Не надо так спешить. Придет время – и так все узнаешь.

Она говорила так, будто изрекала какое-то горькое предсказание. Антон решил, что это от нервов. И еще он с облегчением понял, что никакого скандала в данный момент не будет. Анна удивительно хладнокровно держала себя в руках, хотя и была несколько скованной.

Антон понял, что она испугалась не меньше, чем он. Еще бы – она оставила без присмотра терминал, подключенный к закрытой сети, а этим воспользовался посторонний. За такие вещи можно не только работы лишиться, но и вообще доброго имени.

Ему стало жаль Анну. Ей и без того сегодня досталось.

– Я никому не скажу, – ничего умнее в этот момент Антон не придумал.

– Спасибо, – усмехнулась Анна. – Я тоже никому не скажу.

Она взяла со стола дистанционный пульт и повернулась к видеопроигрывателю. Антон только теперь понял, что все это время на крошечном экранчике над столом плясала какая-то картинка. Он все стоял, а Анна занималась со своим пультом – искала нужную запись на видеодиске. Антон чувствовал, что ему давно пора сделать отсюда ноги, но почему-то не мог просто так взять и уйти. Нужно было сказать что-то напоследок. Или сделать... Как-то искупить свое преступное любопытство.

– А почему на экране помехи? – спросил он совершенно не к месту, заметив, что Анна начала проигрывать диск на увеличенной скорости.

Она обернулась:

– Что?

– Помех не должно быть. Это же оптическая запись – при любой скорости воспроизведения экран должен быть чистым.

Анна, видимо, чувствовала, что Антон говорит какие-то лишние вещи и совершенно не по делу, но стеснялась просто выставить его за дверь.

– Я не знаю, – сказала она. – Может, нужно наладить аппаратуру?

– Нет, – Антон покачал головой, внезапно заинтересовавшись: – Неисправная аппаратура просто не работала бы, и все. А что это за запись?

По изменившемуся лицу Анны он понял, что вопрос уж вовсе неуместный. Но Анна, как ни странно, поколебавшись несколько секунд, решила ответить:

– Это частное письмо. Я занимаюсь легальным контролем переписки.

Антон подошел. На экране он увидел очень смуглого курчавого мужчину, похожего то ли на кавказца, то ли на араба. Он улыбался в экран и говорил что-то на чужом языке.

Глядя на него, Антон подумал, что Анне сейчас нужен собеседник, живой человек. Именно поэтому она не выгнала его сразу.

– Зачем вам это? – спросил он.

– Я перевожу письмо этого господина на русский язык. Есть подозрения, что здесь может прозвучать что-то по нашей части.

– ЭКОПОЛ просматривает все письма? – с ужасом спросил Антон.

– Зачем все? Только некоторую часть. Если есть основания для подозрений.

– А при чем тут... Я думал, вы связистка.

– Это здесь я связистка. А настоящая профессия у меня немножко другая. Иногда начальство мне подбрасывает работу сюда, чтоб квалификацию не терять. Я сама попросила, это же моя обязанность.

Анна говорила без напряжения, с каждой минутой к ней возвращалось самообладание. Они непринужденно болтали с Антоном о столь деликатных вещах, будто приятели за кружкой пива.

– Ну ладно, я пойду... – пробормотал Антон, понимая, что их разговор может зайти в чересчур закрытые области и Анна, возможно, завтра будет переживать из-за этого.

И уже на пороге его озарило.

– А эта информация, которую вы ищете... Она может быть зашифрована?

– А что? – нахмурилась Анна.

– Ну может?

– Конечно, может. Зачем тебе?

– Да ведь это и есть шифровка! Вот эта полоса помех при быстром воспроизведении – это шифровка.

– Так... – Анна на секунду задумалась. – Ну-ка, зайди.

Она взяла Антона за руку, затащила в комнату и заставила сесть в кресло.

– Что ты об этом знаешь?

– О чем, о шифровании? Много знаю, я сам этим занимаюсь.

– Разве ты профессиональный криптолог?

– Нет, не профессиональный, но...

– Понятно. С чего ты решил, что это шифровка?

– Просто есть такой метод шифрования – прятать информацию в помехах, в шуме. Я бы не догадался, если б вы не сказали, что на этой записи могут быть какие-то секреты. Если хотите, я прямо сейчас посмотрю.

Анна отвела взгляд и на несколько секунд задумалась.

– А что... – неуверенно произнесла она. – Попробуй.

У Антона, что называется, зачесались руки. Он крутанул кресло к монитору, положил руки на клавиши, и мир перестал для него существовать.

Вырезать из изображения помехи и поместить их в отдельный файл не составило труда – эту операцию можно было сделать даже с помощью любительской видеокамеры формата «Хай Дигитал». Первый запрос Антон сделал стандартным: произвести частотный анализ полученного нагромождения букв цифр и символов, проверить, нет ли в этом хаосе следов структуры или цикличности. Меньше чем через минуту компьютер дал ответ: ни структуры, ни цикличности в массиве не обнаружено. Антон приуныл – могло оказаться, что он «расшифровывает» действительно настоящие помехи.

«Не может быть никаких помех цифровой записи», – упрямо сказал он себе и продолжил просмотр. И тут он заметил, что четырнадцать различных символов повторялись подозрительно часто. Это следовало обдумать...

– Ну что? – поинтересовалась Анна.

– Пока ничего, – буркнул Антон. – Отдаленно похоже на зашифрованную графику. Могут быть здесь какие-то рисунки, чертежи?

– Могут, – оживилась Анна. – Очень даже могут! У тебя что-то получается? Или лучше передать диск нашим штатным шифровальщикам?

– Нет-нет, я сам! – умоляюще воскликнул Антон.

Он задумался. Логично было предположить, что если помехи спрятаны в цифровом изображении, то исходная информация вполне может быть спрятана в помехах. Но как ее достать, если даже компьютер признал предложенный ему материал абракадаброй? Антон начал вспоминать все известные ему способы шифрования и в конце концов пришел к выводу, что он имеет дело скорее всего с многоалфавитным шифром, где каждый значащий символ имеет несколько вариантов обозначения. Но могло быть и другое: шифр перестановки, спрятанный дополнительно в нагромождении случайных символов. Или неслучайных?..

Вторая версия понравилась ему даже больше, но вскрыть такой шифр за один вечер было практически невозможно. Нужен ключ: сложная функция, которая давала бы на выходе набор псевдослучайных чисел.

– Ну что? – напомнила о себе Анна.

– Надо найти ключ, – тихо сказал Антон. – Здесь должен быть математический ключ. Подобрать его невозможно. Если его нет в тексте, я сдаюсь.

Анна вздохнула и присела на край стола. Антон понял: она не представляет, как можно найти какой-то смысл в той математической абракадабре, с которой работал Антон. Она уже не верила, что у него что-то получится, и была разочарована.

Но Антон все еще надеялся. Его мозг работал сейчас так же напряженно, как компьютер, хотя и не так быстро.

– А этот человек в записи не говорил никаких математических формул?

– Да нет, – пожала плечами Анна. – Самое обычное письмо на родину – жив, здоров, работаю... И пятнадцать минут такой вот болтовни.

– Угу... – промычал Антон и снова ушел в поиск.

Через пятнадцать минут ключ был найден. Функция длиной в две стандартные строки пряталась на служебных треках диска, которые компьютер в обычном режиме игнорирует. Не говоря пока Анне ни слова, Антон задействовал функцию, и умная машина начала отделять смысл от хаоса. Результат, выданный на экран, также напоминал предсмертный бред сгоревшего компьютера, но теперь в нем была уже структура. Антон быстренько повторил частотный анализ и с облегчением откинулся на спинку кресла.

– Это шифровка, – сказал он Анне, и теперь голос его звучал уверенно. – Здесь примерно десять процентов текста, а остальное графика. Всего около двух гигабайт информации.

– Ты уже разгадал? – удивилась Анна.

– Пока нет, но уже скоро.

– А откуда ты тогда знаешь про графику, текст?

– Графику легко отличить по часто повторяющимся компонентам. Смотри, вот этот набор символов повторяется на протяжении всего массива, меняется только чередование...

Он и сам не заметил, как начал называть Анну на «ты». Она не возражала – то ли заразилась азартом и энергией Антона, то ли увидела в нем уже коллегу, брата по разуму, с которым необязательны дежурные формальности.

– Подожди минутку, – тихо сказала Анна и достала из кармана крошечную радиостанцию.

Антон, не обратив внимания на ее слова, продолжал возиться с шифром. Его прямо-таки раздрало любопытство: что могло таиться на этом диске с бесхитростным семейным посланием простоватого араба?

– Андрей, это я, – проговорила Анна в микрофон радиостанции. Голос ее звучал прохладно и напряженно. – Зайди, пожалуйста. Нет, я не об этом. Нет, об этом поговорим потом. Зайди, это действительно важно.

Антон понял, что она разговаривает с Сергеевым, и насторожился. Неизвестно, что скажет начальник лагеря, когда увидит его копающимся в секретной ведомственной сети.

Он продолжал работать – устанавливал режимы поиска биграмм, разбивки на гласные-согласные-пробелы, вычленения слогов и окончаний. Правда, пальцы бегали по клавишам уже не так азартно.

Когда в комнату вошел начальник лагеря, Антон невольно напрягся. Сергеев удивленно сдвинул брови, нахмурился, крутя пальцами свою бамбуковую палочку. Анна тут же взяла его за рукав и потянула на улицу.

– Идем, нужно поговорить.

Антон решил воспользоваться их отсутствием. Ему нужен был табличный вариатор. Наверняка похожая программа была и в сети ЭКОПОЛа, но Антон предпочитал пользоваться своими инструментами. А потому, выждав несколько секунд, приказал компьютеру немедленно выйти в федеральную почтовую сеть и связаться с Курском.

– Але! Кто это?.. – услышал он голос Витьки Сапожникова.

– Витя, это я, Антоха. Мое барахло еще цело?

– Конечно! А почему я тебя не вижу? И где ты пропадаешь, я уже раз восемь пытался на тебя выйти. Даже Система не отвечает.

– Потом расскажу, – тихо сказал Антон, приблизив голову к микрофону. – Витя, найди мою директорию «ВАРИА-ТАБ» и срочно слей ее на меня.

– Сейчас сделаем. Я тебе минут через десять перезвоню, ты на каком номере?

– Витя, через десять минут будет поздно, сливай сейчас! – Он нашел наконец замаскированный видеоглазок и щелкнул выключателем. На том конце провода его сразу увидели. Да и сам он получил возможность лицезреть всклокоченную Витькину голову.

– Ой, а где это ты?

– Все вопросы потом, начинай скачивать файлы.

– Но я не могу сейчас перегрузиться – у меня слетит восьмой уровень «Подземных демонов», а я почти месяц пилил защиту...

– Витя, начинай, черт тебя побери!

– Ладно, – испуганно согласился Витька.

По экрану пробежала рябь – телефонная линия была перегружена одновременной передачей информации и телевизионного изображения. Но через минуту обычное качество экрана восстановилось.

– Все! – доложил Витька. – Принял нормально? Да, кстати, про тебя Джамбул спрашивал! Или я уже говорил?..

Антон хотел было ответить, но тут Витька посмотрел куда-то ему за спину и удивленно округлил глаза.

– Ой, а это кто?

Антон резко обернулся и увидел, что Анна и Сергеев уже вернулись. Он рефлекторно ударил по клавишам, и соединение отключилось, закрыв окно с Витькиной физиономией.

– Это еще кто? – недовольно спросил Сергеев, кивнув на экран.

– Один друг, – смущенно пробормотал Антон. – Я одолжил у него одну программку...

– Ладно, потом обсудим. Анна сказала мне, что... В общем, что у тебя вырисовывается? Еще много работы?

– Теперь уже нет. Скоро вы все увидите...

Он торопливо повернулся к монитору, как будто боялся, что сейчас его прогонят. Присутствие Сергеева очень смущало.

Антон наконец начал вычисления. Довольно быстро он определил, что из числа символов шифровки легко извлекается корень пятой степени – результатом оказывалось почти целое число. Он построил на своем вариаторе пятимерную таблицу и начал вертеть ее, как кубик Рубика. Одновременно компьютер анализировал полученные результаты, помещая в регистратор то, что более всего походило по структуре на осмысленный текст.

– Это не русский язык, – определил Антон через несколько минут, хотя текст еще не был расшифрован.

– Естественно, – тихо ответил Сергеев. – Ты уже заканчиваешь?

– Да! Осталось самое легкое. Можно сказать, я свою работу сделал, остальное доделает компьютер.

– Да? – Сергеев хмыкнул. – Ну, раз так, можешь быть свободен. Между прочим, ты опоздал на ужин. Иди, пока столовая не закрылась.

– Ничего, ради такого дела я могу и без ужина, – улыбнулся Антон.

Однако Сергеев решительно подошел и положил ему руку на плечо.

– Я же сказал: ты можешь быть свободен, – настойчиво повторил он.

Антон возмущенно уставился на начальника лагеря. От обиды его даже бросило в жар. Еще бы – после того, как он сделал самое трудное, в момент, когда желанный результат вот-вот появится на экране, когда нетерпение уже заставляет ерзать и чуть ли не подпрыгивать на стуле, – в этот самый момент его выгоняют, как мальчишку!

– Ну? – Сергеев выжидательно наклонил голову.

Антон встал, изобразил на своем лице как можно больше возмущения и вышел, открыв дверь ударом ноги. Обида душила его, когда он не чуя под собой ног шел к домику. Не отпустила она и когда он, не разуваясь, свалился на свою кровать. Сержант пробормотал что-то, но Антон ничего не слышал и не отвечал.

В этот момент ему хотелось все бросить, всех послать к чертовой матери и уйти из лагеря, гордо подняв голову. Лишь одно обстоятельство не позволяло падать духом – гордость за самого себя и свою умную голову. Ибо он сумел то, чего не осилил даже могущественный ЭКОПОЛ! Но что толку – он не смог увидеть плоды своего труда. Его даже не похвалили, спасибо не сказали. Выставили за дверь, как дворового пса...

Чтобы отвлечься от грустных размышлений, Антон стал размышлять над той интригующей информацией о здоровье Евгения Моисеева, на которую наткнулся в каталоге «Переписка». Он понимал, что стал обладателем сведений, которые дорого стоят. Разумеется, он не стал бы никому их продавать. Во-первых, он старался по возможности придерживаться морального кодекса «честных хакеров», которые охотились за чужими тайнами не из-за корысти, а ради одного лишь интереса. А во-вторых, ему, как системщику-патриоту, была небезразлична судьба знаменитой фирмы и ее продукции, благодаря которой страна обрела мощное влияние на международном рынке. Он уважал конструктора Мельникова, он гордился, что живет в государстве, в котором был изобретен знаменитый на весь мир «Хризолит». И никакие деньги не могли изменить его принципов. Так по крайней мере ему казалось.

Антон поразмышлял немного над странной формулировкой «фантомные головные боли». Он знал, что фантомной болью называлось особое биологическое явление, когда у человека болит, скажем, отрезанная рука. Но что значит «головные»? Ведь не могли же Моисееву ампутировать голову. И почему «ложные»? Можно было подумать, будто у него болит голова, которой нет. Или ему кажется, что у него болит какая-то другая голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.